

Виктор Точинов
Бейкер-стрит, 221

«Точинов Виктор»

2004

Точинов В. П.

Бейкер-стрит, 221 / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2004

Двое бывших сотрудников ФБР основывают частное детективное агентство «Бейкер-стрит, 221». Расследовать им приходится дела, связанные с потусторонщиной и паранормальщиной: вампиры, бигфуты, похищение бриллиантов призраками давно умерших людей и т. д.

© Точинов В. П., 2004

© Точинов Виктор, 2004

Содержание

ПРОЛОГ	5
1.	5
2.	7
3.	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
1.	9
2.	11
3.	15
4.	18
5.	21
6.	24
7.	26
8.	27
9.	28
10.	29
11.	31
12.	32
13.	34
14.	36
15.	39
16.	40
17.	41
18.	46
19.	47
20.	48
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	49
1.	49
2.	51
3.	53
4.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виктор Точинов, Надежда Штайн

Бейкер-стрит, 221

Посвящается сэру Артуру Конан Дойлу, Агате Кристи, Рексу Стауту, Крису Картеру.

А также примкнувшим к ним Даниилу Шиханову и Игорю Проницу.

ПРОЛОГ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

1.

На самом деле это был не этюд. Скорее, портрет. Нет, даже скорее, – если уж определять с максимальной точностью, – жанровая сценка.

Но багровые тона наличествовали. За окнами багровел закат. В кабинете, за столом, багровел Элвин Дж. П. Каунтер. А когда до таких пределов багровеет афроамериканец (или, того хуже, афроафриканец), то цветовая гамма получается весьма сюрреалистичная.

Специальные агенты Макс Кеннеди и Элис Блэкмор стояли – сесть им заместитель директора ФБР не предложил. Кеннеди и не стремился. Полтора последних месяца у него имелась вполне реальная перспектива сесть. Сесть на скамью подсудимых по какому-нибудь надуманному обвинению. Легко и просто могло вдруг выясниться, что именно Кеннеди был легендарным «Убийцей девочек», терроризировавшим Атланту в 80-х. И что именно он тренировался в стрельбе по быстро движущимся мишеням из окна склада школьных учебников в Далласе. И что Великий Чикагский пожар вспыхнул именно от его преступно не погашенного окурка.

Впрочем, имелись и достаточно реальные шансы отвертеться от всех этих нелепых обвинений – тихо и мирно скончаться в автокатастрофе, или от взрыва бытового газа, либо в результате передозировки банальных капель от насморка. Или попросту совершить незапланированный суицид.

Короче говоря, на фоне всех этих совсем недавно грозивших неприятностей побагровевший Каунтер казался чем-то малопривлекательным, но не страшным.

– Вы замечательно умеете выходить сухими из воды, приятели, – скрежетал Каунтер. – Ты, Кеннеди, умудрился даже оправдаться в деле об угоне машины скорой помощи и похищении ее водителя, медсестры и врача. Но если вы думаете, что сейчас получите обратно удостоверения ФБР и снова начнете работать в отделе паранормальных явлений – то это свидетельствует, что в раннем детстве вас роняли с пеленальных столиков. Неоднократно. Головами вниз.

Элис сама с уверенностью этого не помнила, но ее родители, Уильям и Маргарет Блэкмор, никогда не рассказывали ей о полетах вниз головой с пеленального столика. Поэтому она не думала о возврате удостоверения и дальнейшей работе под началом Каунтера.

Увы, их работа, при всех своих недостатках, имела и существенный плюс: регулярно выплачиваемое жалованье. И мысли в голове Элис бродили тревожные, в основном финансового плана. О шести пока не выплаченных взносах за дом. О купленной в кредит машине, на которой в приличное место теперь не поедешь – после встречи с двумя субъектами, вооруженными автоматами Калашникова, кузов ее стал напоминать дуршлаг (по счастью, субъекты не знали о дополнительной броневой защите салона и не запаслись гранатометами). Еще Элис

думала о финансовом отчете за последнюю командировку – его Каунтер порвал в клочки со сладострастием садиста, не возместив ни цента...

– И вы не устроитесь на федеральную службу в какую-нибудь родственную контору, не мечтайте! Даже в Лэнгли¹ вас не возьмут, хотя бы и младшими помощниками старшего подметальщика! – продолжал разоряться Каунтер (произнося название «Лэнгли», он брезгливо скривил губы). – И в службу безопасности любой приличной корпорации – не возьмут! Сегодня же составлю и разошлю ваши резюме...

Судя по злорадной ухмылке Каунтера, в пресловутых резюме будет всё: правда об Атлантском убийце девочек, и о складе учебников, и о Чикагском пожаре, и об угнанной «ско-рой»... И много еще о чем.

Честно говоря, Кеннеди никогда не задумывался о карьере подметальщика в Лэнгли. Чтобы не встречаться взглядом с мечущими багровые молнии глазами Каунтера, он смотрел на узел его галстука. И – отнюдь не в первый раз – размышлял: как заместитель директора ФБР своими пальцами, похожими на страдающие ожирением сардельки, умудряется завязывать такие идеальные узлы? Вопрос не был праздным. У самого Кеннеди с этим случались проблемы. Хоть в Оксфорде он и прослушал в течение целого семестра курс, посвященный подбору и завязыванию галстуков.

Теоретически начальственный разнос может длиться бесконечно. Но для этого желательно, чтобы подчиненные хотя бы иногда пытались в громовую речь начальника вставить свои робкие оправдания. А Кеннеди и Элис упорно молчали. И Каунтер стал выдыхаться.

– А теперь – вон отсюда! – рявкнул он напоследок. – Вон!!! Мне противно видеть ваши двуличные рожи!

Кеннеди не устремился вон. Вместо этого шагнул к вице-директорскому столу. Сказал тихо и серьезно:

– Нет, сэр. Я не могу покинуть ФБР, не получив ответа на один давно мучающий меня вопрос. Истина где-то рядом – и я, черт возьми, ее все-таки узнаю!

Каунтер ничего не успел предпринять – все произошло слишком быстро.

Экс-агент мгновенно перегнулся через стол и двумя пальцами потянул за галстук своего экс-начальника. Галстук подался неожиданно легко. Идеальный узел отлип от воротника и через мгновение вернулся на место.

– Так я и думал, – удовлетворенно констатировал Кеннеди. – Дешевка на резиночке...

Он развернулся и пошел к выходу из кабинета. Элис виновато пожала плечами, словно извиняясь за бестактность коллеги. Вежливо попрощалась с онемевшим вице-директором ФБР:

– До свидания, мистер Каунтер.

Прежде чем уйти, Элис сняла со спинки стула висевшее там мантию и элегантно в него задрапировалась. Каунтер – уже не багровый, скорее лиловый – не сделал и попытки ей помочь...

¹ Лэнгли – обиходное наименование ЦРУ (по месту расположения штаб-квартиры).

2.

Изгнанная из фэбээрковского Эдема парочка нашла приют под сенью кафе «У Гувера» – в былые беззаботные деньки Кеннеди и Элис не раз заглядывали сюда на ланч.

– Все не так страшно, – говорил Кеннеди (без особой, впрочем, уверенности). – За несколько месяцев Каунтер прогадит и развалит всё, что только сумеет. Его уволят, и можно будет вернуться...

– За эти несколько месяцев мой дом перейдет в собственность банка, – уныло заметила Элис. – К тому же еще вилами по воде писано, что его уволят... Ты не слышал последнюю сплетню? Хит нашей курилки?

– Старого Смоки? – не понял Кеннеди.

– Да нет, в прямом смысле курилки... Так вот, по ФБР ходит упорный слух, что Каунтер дальняя родня – седьмая вода на киселе – самой Кандолизе Райс. И пока Джордж-младший будет сидеть в Белом доме – Каунтер непотопляем.

– Третьего президентского срока наша конституция не предусматривает... – напомнил Кеннеди.

– Ну и что? Наша демократия становится все более семейно-наследственной – подрастают Буши-внуки.

– Да нет, у Джорджа-младшего дочери...

– Ты что-то имеешь против женщины в Белом доме? – немедленно ошетибилась Элис. У нее порой просыпались феминистические наклонности.

Кеннеди не имел ничего против. Ему было все равно. И он вернулся к теме:

– В любом случае стоит подумать, чем заработать себе на хлеб насущный...

– Ну, вообще-то, у меня имеется диплом врача... – вспомнила Элис.

– А пара лет у тебя в запасе имеется – ждать, пока освободится прилично оплачиваемое место в приличном госпитале? Для частной практики, извини, твоя специализация – судебная медицина – подходит мало. Вот если бы была гинекология или проктология...

– Ну почему же... – вступилась мисс Блэкмор за любимое дело. – Независимая судмедэкспертиза может заинтересовать многих.

– У меня есть идея получше. Помнишь дело «Писающего мальчика»?

Элис кивнула.

– Так вот, – продолжал Кеннеди, – Истерлинг тогда зачем-то хотел дистанцировать расследование от ФБР – и оформил мне лицензию частного детектива. Кстати, она до сих пор действительна. Правда, лишь в пределах Род-Айленда.

Элис снисходительно улыбнулась, услышав название крохотного штата.

Кеннеди знал, что многие граждане США – в особенности жители Аляски или Техаса, налившиеся спесью на своих бесконечных просторах, – относятся к крошечному Род-Айленду презрительно. То именуют его Рет-Айлендом, намекая, что размерами он схож с крысиной норкой. То вообще распространяют нелепую версию: дескать, такой штат возник по анекдотической случайности. Мол, прилипла к самой первой карте Соединенных Штатов мушиная какашка – а исправлять растиражированную ошибку никому не хотелось – ну и объявили земли, покрытые пресловутой мушиной субстанцией, отдельным штатом.

– Насколько я понимаю, – ответил Кеннеди на многозначительную улыбку Элис, – детектив не должен зависеть от размера штата, выдавшего ему лицензию. Открыть контору и платить налоги можно в Род-Айленде, а клиенты – если правильно поставить дело – будут обращаться со всей страны. Вопрос простой: ты согласна быть моим компаньоном в этом начинании?

– Хм-м... Думаю, что согласна. При условии, что независимыми судмедэкспертизами новое агентство тоже будет заниматься.

3.

Три недели спустя.

– Для агентства нужен офис... – грустно сказал Кеннеди. – Арендовать же помещение не на что... И ни один банк не выдает кредит без стабильного источника дохода. Заколдованный круг...

– Насчет помещения под офис есть одна идея, – успокоила Элис. – Недавно мне написала из Провиденса, штат Род-Айленд, старая приятельница моей матери, миссис Хагерсон. Жаловалась, что овдовев, не в силах содержать в одиночку дом – в Новой Англии слишком большие налоги на землю. А уезжать из обжитого места не хочет – привыкла за двадцать лет. Спрашивала: не могу ли порекомендовать хороших знакомых – белых, протестантов, англосаксов – для частичной аренды ее дома... Очень боится, что даст объявление в газету – и тут же набегут какие-нибудь иммигранты. Я думаю, у миссис Хагерсон мы легко получим отсрочку платежа – до первых гонораров.

– Провиденс... – мечтательно протянул Кеннеди. – Эдгар По, Лавкрафт... Всю жизнь мечтал пожить в Провиденсе. Не теряй времени, звони миссис Хагерсон. А я пока подумаю над эффектным названием для нашего агентства.

– Не надо. Я уже придумала. «Бейкер-стрит». По-моему, мило и стильно, вполне в духе классических традиций. В Новой Англии весьма чтут традиции.

– Тогда лучше: «Бейкер-стрит, 221», – внес поправку Кеннеди, любивший оставлять за собой последнее слово.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА ДОКТОРА БЛЭКМОР

Когда я закончила отчет по третьему или четвертому делу агентства «Бейкер-стрит, 221» – как-то само собой получилось, что бремя отчетности легло на мои хрупкие плечи, – Кеннеди прочитал и сказал:

– А у тебя неплохой слог, Элис... Почему бы тебе не пойти по стопам доктора Ватсона и не беллетризировать свои отчеты? Придут черные дни – можно будет жить на литературные гонорары.

Идея поначалу показалась мне наивной и фантастичной, как и большинство идей Кеннеди. Ну кого, скажите, может заинтересовать отчет о том, как мы искали пропавшую собачку миссис Баскер – и в ходе поисков обнаружили двух любовников ее мужа? Разве что читателей желтой прессы. Но постепенно в работе агентства «Бейкер-стрит, 221» стали все чаще появляться расследования преступлений иррациональных, будоражащих воображение, полных мистических тайн и паранормальных загадок... У меня даже возникло подозрение: Кеннеди просто притягивает такие истории – как притягивает молнии одиноко стоящее дерево... И совсем не важно при этом, трудится ли он в отделе паранормальных явлений или на ниве частного сыска.

Я не выдержала. Взялась за перо. Вернее – за клавиатуру компьютера. Результат – перед вами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВАМПИРЫ В МЭНЕ

1.

– Ставлю десять долларов против одного, что это мой клиент, – сказал Кеннеди. – Такой встревоженный вид может быть только у человека, вчера узнавшего, что стараниями его личного бухгалтера на счетах не осталось ни цента...

Возможно, Кеннеди был прав. Лицо индивида, приближавшегося к входной двери, казалось весьма мрачным. Мое настроение тоже было не самым радужным. Ждущие помощи от детектива Кеннеди посетители к нам нет-нет, да и заходили. А услугами доктора Блэкмор, независимого эксперта в области судебной медицины, в последнюю неделю никто не интересовался. Я начинала чувствовать себя нахлебницей.

– Чем же он нам заплатит – без цента на счету? – спросила я как можно более ехидно. – Принимаю пари. Этому человеку наверняка нужно независимое заключение о причинах смерти кота, отравленного злокозненной соседкой. И идет он к доктору Блэкмор.

Прошлое такое дельце принесло нам семьсот долларов. Удивительно, до чего жители Новой Англии порой привязаны к своим домашним любимцам...

Меж тем ставший объектом пари молодой человек поднялся на три ступени крыльца, взялся за ручку, нерешительно потянул... Заперто. Поискал взглядом кнопку звонка, надавил.

– Вы к кому и по какому вопросу? – осведомился в микрофон Кеннеди.

Динамик над входной дверью прогрохотал его слова голосом сержанта-писаря, узревшего в полковой канцелярии зеленого новобранца.

– К мистеру Кеннеди, – ответил посетитель, разом похоронив мои надежды на десять долларов. – Ведь это детективное агентство «Бейкер-стрит?»

– «Бейкер-стрит, 221», – поправила его я, заняв место у микрофона.

Дистанционно управляемый замок двери лязгнул. Переключив монитор на внутреннее наблюдение, я увидела, как миссис Хагерсон провожает гостя в переднюю, как он торопливо освобождается от плаща и шляпы – на вид весьма дорогих и стильных.

Кеннеди тем временем столь же торопливо стянул белый халат, в котором изображал ассистента доктора Блэкмор. Затем налег плечом на стенной шкаф – полки его были уставлены неработающими микроскопами, лабораторной посудой, книгами по судебной медицине... – но настоящим гвоздем этой маленькой выставки стал ископаемый череп с засевшим в нем каменным томагавком. И череп, на деле пластиковый, и пробившее его орудие я приобрела в одном магазинчике сувениров за девятнадцать долларов девяносто центов.

Шкаф повернулся вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов. Столь же кардинально изменилось содержимое полок двуликого предмета мебелировки. Теперь их украшали труды по юриспруденции, коллекция курительных трубок, изображения чьих-то отпечатков пальцев, увеличенные до размера тридцать пять на сорок девять... Немалую часть полок занимали папки-скоросшиватели, надписи на корешках которых гласили: «Алмаз Раджи», «Пропавший бейсболист», «Голубой карбункул», «Союз рыжих», «Дело «пестрых», «Десять негритят», «Семеро задушенных и один утонувший в мазуте» и т. д. Все названия «дел» были бессовестным плагиатом – но Кеннеди регулярно ставил десять долларов против одного на то, что очередной клиент этого не поймет. Когда сумма убытков достигла семи долларов, я прекратила принимать ставки. Как все-таки деградирует нация от комиксов и сериалов...

Кеннеди, закончив преобразование кабинета, удалился в соседнее помещение. Я заняла место за секретарским столом, забарабанив пальцами по клавиатуре компьютера. Показухой это отнюдь не было – я запустила «Икс-скаута»...

2.

Для начала молодой человек забыл представиться и с лёту стал излагать мне стопроцентно лживую историю о своем якобы приятеле, который якобы попросил помочь в одном запутанном деле, в связи с чем он, наш посетитель, очень желает увидеть мистера Кеннеди...

– Вам придется несколько минут подождать, – сказала я с непреклонной любезностью, продолжая свои манипуляции с клавиатурой. – Мистер Кеннеди в настоящий момент занят – проводит следственный эксперимент.

Из-за двери, в подтверждение моих слов, раздавались частые выстрелы.

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Посетитель бухнулся в кресло и начал нервно постукивать пальцами по столу. Стрельба за дверью не смолкала.

Клиента, по моему мнению, надо правильно ориентировать с самого начала. Что это за частный детектив, к которому на прием можно угодить запросто, как пьяному в полицейский участок? И у которого ты первый за два дня посетитель? Несolidно. Да и «Икс-скаут» работает быстро, но не мгновенно.

– Кстати, вы забыли представиться, – напомнила я.

– Смит, Джон Смит, – выпалил молодой человек, не задумываясь. Мое мнение о его интеллекте резко упало. Какая наивность! Ничего, скоро мы с Кеннеди его немного удивим...

Стрельба наконец стихла. Собственно, следственный эксперимент заключался в том, что Кеннеди выбивал пулями на особой, не дающей рикошетов доске что-либо патриотичное, типа «US FOREVER»...

Дверь распахнулась. Широкими шагами вышел Кеннеди – с дымящимся пистолетом в руке. Как мы убедились, дымящееся оружие на большинство клиентов действует безотказно. К сожалению, современные нитропороха почти не дают дыма. Приходится после стрельбы заталкивать в дуло пропитанную бромом ватку и капать туда же несколько капель нашатырного спирта – наглядно опровергая пословицу о том, что дыма без огня не бывает.

Но сегодня у Кеннеди явно дрогнула рука. Переборщил с дозировкой. Ствол «Зиг-Зауэра» напоминал носик давно и успешно кипящего чайника – даже раздавался легкий посвист. Облако белесого дыма росло.

Кеннеди торопливо запихал пистолет в сейф, плотно прикрыл дверцу. Бросил отрывисто:

– Всё, как я и думал. Это все-таки убийство. Пуля дважды от ricoшетила от стен – и ударила в грудь на излете, даже не порвав одежду. Но кардиостимулятор от этого толчка вышел из строя... Доктор Блэкмор, отправьте, пожалуйста, отчет о проделанной работе мистеру Гейтсу и приложите счет на семнадцать тысяч долларов. Плюс стоимость двух коробок патронов.

Потрясенный клиент издал невнятный звук. Кеннеди повернулся к нему, словно лишь сейчас заметив.

– Добрый день. Чем могу вам помочь?

– Здравствуйте, меня зовут Боб Смит, – пролепетал молодой человек, напрочь позабыв, что только что представился Джоном. И по второму заходу начал излагать историю о своем якобы приятеле...

– Достаточно! – остановил его Кеннеди после второй фразы. – Боюсь, мой юный друг, вы недооцениваете возможности дедуктивного метода...

Уже восседая за своим столом, в огромном кресле с резной спинкой (на вид очень внушительном, но для использования по прямому назначению весьма неудобном) он продолжил психологическую обработку, впериw взгляд в нервное лицо клиента:

– ... между тем для человека, владеющего пресловутым методом, фиговый листочек вашей спешно выдуманной легенды насквозь прозрачен. Не подлежит сомнению, что про-

блемы возникли не у вашего мифического приятеля, а именно у вас. Так-так... что же у вас могло стрястись... Судя по внешнему виду, человек вы достаточно обеспеченный... Приехали отнюдь не издалека, откуда-то поблизости... Новая Англия... А если точнее – штат Мэн. Не так ли?

Молодой человек кивнул. Вид у него уже был достаточно потрясенный.

– Мистер Кеннеди, но как вы...

– Элементарно, мой друг, элементарно. Вот здесь, юноша, – он постучал себя по лбу, – есть несколько миллионов сереньких клеточек! («Миллиардов, Кеннеди, миллиардов!» – хотелось крикнуть мне.) И я умею заставить работать каждую из них!

Клиент не заметил ни грубой ошибки в численной оценке мозгового потенциала Кеннеди, ни явного плагиата. Кеннеди снизошел до конкретных объяснений:

– Опустите глаза, мой юный друг! Видите вон то крохотное пятнышко глины на вашем левом ботинке? В моей коллекции есть образцы почв со всего атлантического побережья, и не только... Штат Мэн, никакого сомнения. Причем его западная часть. Округ Гейри, скажем...

В эту секунду мне показалось, что обитатель округа Гейри станет-таки сегодня моим клиентом. Что вывих его устремившейся к полу челюсти срочно потребует врачебного вмешательства.

– Я даже рискну назвать город: Кервуд. Я не сильно ошибся?

– Но, мистер Кеннеди, каким... – ошарашенный житель Кервуда наконец-то совладал со своей челюстью.

– Пустяки, элементарно. Но какие же проблемы могли возникнуть в вашем тихом и мирном городке? Так-так...

И Кеннеди сделал вид, что уставился орлиным взглядом на юношу.

На самом деле он, скосив глаза, считывал информацию с врезанного в столешницу плоского экрана, укрытого за массивным письменным прибором и взгляду клиентов недоступного.

Дело в том, что ручка на нашей двери не простая. Функция открывания-закрывания для нее не главная. Гораздо более важное назначение этой псевдо-ручки – снять отпечатки пальцев, которые почти мгновенно сканируются и передаются в компьютер. Ну а дальше уж в дело вступает «Икс-скаут». У этой небольшой, но крайне наглой пиратской программы отношения с Федеральной дактилотекой и базами данных прочих федеральных ведомств примерно такие же, как у юркого флибустьерского брига с неповоротливыми купеческими галеонами...

Конечно, возможны осечки. Всегда есть вероятность натолкнуться на клиента, не прошедшего дактилоскопирование. Но подавляющее большинство граждан США или служили в армии, или когда-либо имели конфликты с законом, пусть и самые незначительные. Либо оформляли лицензию на оружие, либо... В общем, оказаться вне поля зрения «Икс-скаута» шансов у них немного.

На мой дисплей выводилась та же информация, что и у Кеннеди. И при желании я могла не хуже него продемонстрировать чудеса дедукции потрясенному мистеру Кристоферу Дж. Т. Рокстону – именно так идентифицировал «Икс-скаут» нашего «Джона-Боба Смита»...

Кеннеди тем временем продолжал потрясать и изумлять:

– Судя по некоторым физиометрическим данным, смелости и решительности вам не занимать... Возможны конфликты с законом... Хотя... Пожалуй, нет... Ничего столь серьезного, что потребовало бы вмешательства специалиста высшей квалификации... – Кеннеди сделал короткую паузу и изобразил легчайший поклон в сторону клиента, не оставляющий сомнений в том, кто тут пресловутый специалист. Продолжил:

– Скорее всего, пара случаев езды в нетрезвом виде, не более того, – не так ли, мистер... хм... Смит?

Смит-Рокстон молча кивнул. Дар речи вновь его покинул.

Кеннеди продолжал строить дедукции на основе ползущего по экрану досье. Там данные полицейского управления тем временем сменились тайнами, сокрытыми в файлах системы медицинского страхования.

– Со здоровьем – как очевидно любому наблюдательному человеку – у вас полный порядок. Разве что... да, пожалуй, возможны легкие проблемы с желудком... Не то, не то... На работе... Да, на работе у вас тоже всё прекрасно. Судя по вашей манере сидеть в кресле, вы наверняка занимаете не рядовую должность... Очевидно, в филиале крупной корпорации... Что-то связанное с машиностроением? Хотя нет, скорее электричество... Энергетика, не так ли?

Кристофер (согласно досье, действительно являвшийся вице-президентом «Энергетической Компании Западного Мэна») встал и начал нервно расхаживать по кабинету – явно заподозрив, что Кеннеди из его манеры сидеть в кресле выведет еще какую-либо дедукцию. О вне-служебных отношениях с секретаршей, например.

– Но на службе у вас все в порядке... Значит, проблема в личной жизни... В семейной...

Тут Кеннеди вступил на зыбкую почву. Данные о семейной жизни Рокстона «Иск-скаут» раскопать не сумел. Но, если судить по реакции клиента, Кеннеди опять попал в точку.

– Женились вы, судя по всему, недавно... – начал Кеннеди. Дедукция была его личная, но не Бог весть какая сложная – блеск новенького обручального кольца на пальце вице-президента был виден издали...

И тут Кеннеди удивил. Не только Рокстона – тот, похоже, постепенно терял способность удивляться, – но и меня.

– Как я понимаю, проблемы связаны с вашей молодой супругой. Давно между вами произошел разрыв?

– Три дня назад... Но как, черт возьми... – ошарашено произнес Крис Рокстон.

– Действительно, Кеннеди, даже мне не уследить за вашим полетом мысли, – не менее ошарашено встряла я.

– Элементарно, друзья мои, элементарно. Пятно от утюга на вашей левой брючине, мистер... э-э-э... Смит, мог оставить лишь человек, впервые взявший в руки это несложное орудие.

Я с трудом подавила улыбку. Неделию назад Кеннеди решился сам погладить костюм – его приходящая домработница приболела. В результате смелого эксперимента костюм отправился в мусорный контейнер, а мой коллега щеголял теперь в новенькой «тройке»...

Массированная артподготовка достигла цели.

Клиент, отбросив свое наивное инкогнито, без споров подписал договор об оказании детективных услуг. Без споров заполнил чек, – по слухам, дела у энергетиков Новой Англии шли сейчас неплохо, и Кеннеди не стал мелочиться, запрашивая сумму аванса.

Главное было сделано. И мне казалось, что остались пустяки: выслушать печальную повесть обманутого мужа, пообещать разузнать всю подноготную, за пару сотен нанять детектива из агентства «Отелло» – эти парни собаку съели, фиксируя на пленку неверных жен *in flagranti*.² В общем, рутина...

Но всё оказалось не так просто.

Для начала Кристофер Дж. Т. Рокстон доказал, что удивлять и ошарашивать здесь умеет не только Кеннеди.

– Проблема в следующем, – сказал наш гость, сразу взяв быка за рога. – Моя жена – вампир. И я не знаю, что мне делать...

² *In flagranti* – на месте преступления (лат.).

Надо отдать должное моему коллеге. Он не стал намекать на не совсем адекватное восприятие действительности Кристофером, явно вызванное переутомлением на ниве снабжения жителей западного Мэна электроэнергией. Лишь спросил деловито:

– Какой вампир? Вампирус вульгарис? Или классический некровампиризм по трансильванскому типу? Или, может быть, вы имели в виду вампира энергетического?

– Не знаю... – сказал клиент растерянно. – Не энергетический, это точно... А чем отличаются те, которые вульгарисы, от некротрансильванцев?

Кеннеди тут же отпасовал мяч мне:

– Моя коллега и ассистент, доктор Блэкмор, объяснит вам всё гораздо лучше.

Я сказала:

– Вампирус вульгарис – это вполне живые люди, страдающие достаточно редкой, но отнюдь не уникальной болезнью. Их организм испытывает непреодолимую тягу к крови – как правило, психосоматического характера, но иногда этиология заболевания связана с нехваткой железа в организме. При своевременном обращении к врачу чаще всего удается избежать эксцессов. Самый простой вариант: вы договоритесь на ближайшей бойне, и будете получать к каждому завтраку вашей супруги стакан свежей бычьей крови. А миссис Рокстон, естественно, скажете, что кровь человеческая, донорская, с великими трудами и затратами добытая в центре переливания... Острота проблемы будет снята, и затем, после надлежащих анализов и тщательной работы психолога...

Тут клиент прервал меня:

– Боюсь, доктор Блэкмор, что психолог уже не поможет. И бычья кровь не поможет...

– Были криминальные случаи? – быстро спросил Кеннеди.

Рокстон вопрос проигнорировал. Спросил сам:

– А что там с Трансильванией?

– Ну, если вы смотрели фильмы ужасов на эту тему, то должны иметь хотя бы общее представление, – сказала я. – Классические вампиры – это некробиотическая форма квази-жизни, поддерживающая существование употреблением крови жертв... Официальная наука считает классических некровампиров мифом, и основания для подобного скепсиса имеются веские. Вы хотите сказать, что ваша супруга скончалась, была похоронена, и... – Я сделала паузу.

– Нет, она не скончалась... – ответил Кристофер. – Тоже не подходит... Но ведь существуют вампиры не умиравшие? Но и не безобидные больные, которых можно обмануть бычьей кровью?

– Вполне возможно. Но тогда тяга к питью крови, надо полагать, есть побочный симптом некоего иного заболевания или мутации. Необходимы серьезные исследования. Может быть, мистер Рокстон, вы расскажете всё по порядку?

И он рассказал.

3.

Как выяснилось, наш клиент вступил в законный брак с мисс Люси Харкер семь месяцев назад. И жених, и невеста принадлежали к состоятельным новоанглийским семействам, к аристократии Мэна, ведущей свои родословные от пассажиров «Мейфлауэра». Как ни странно, это не был династический брак, задуманный родными без согласия молодых; отнюдь нет – Крис и Люси встретились достаточно случайно, полюбили друг друга – просто так удачно сложилось, что никаких препятствий к их союзу не оказалось...

(Да уж, случайность, подумала я. Когда один и тот же круг людей толчется на одних и тех же великосветских раутах, отдыхает на одних и тех же курортах, отправляет детей на учебу в одни и те же элитные заведения, – отчего бы и не встретиться «случайно» молодым людям... Вот если бы наследник английского престола где-нибудь случайно встретил молоденькую прачку-эмигрантку и влюбился – это, я понимаю, случайность так случайность...)

Как бы то ни было, никаких препятствий со стороны родителей для молодых не обнаружилось. Впрочем, за три года до свадьбы Люси осиротела – отец и мать погибли в автокатастрофе. Старший же брат ее, Артур, оказался паршивой овцой в почтенном новоанглийском стаде; несколько лет пропадал неведомо где – и слухи о его жизненных перипетиях доходили не самые благоприятные. Свою долю отцовского наследства Артур получил, не появляясь в Мэне, – и, судя по всему, успешно промотал. На свадьбу сестры он тоже не приехал.

Обездоленной сиротой Люси Харкер отнюдь себя не чувствовала – и она сама, и ее унаследованное состояние находились под опекой дяди с материнской стороны, джентльмена весьма почтенного и прекрасно ладившего с племянницей. Опека должна была продолжаться до совершеннолетия либо брака Люси. Брак случился раньше.

Семейная жизнь наладилась легко – у обеспеченных людей чаще всего именно так и происходит. Молодые купили дом в Кервуде – премиленький особнячок в нео-викторианском стиле; карьера Кристофера развивалась удачно и стремительно, Люси нигде не работала, активно участвовала в нескольких благотворительных программах, и занималась – больше для удовольствия, чем по необходимости – домашним хозяйством.

(Да, подумала я, в первый год семейной жизни влюбленная девочка вполне могла находить удовольствие в том, чтобы погладить брюки мужа. Даже его носки могла постирать с большим энтузиазмом. Несколько лет спустя мнение супруг об этих маленьких семейных радостях обычно кардинально меняется. И хорошо, если есть деньги для найма прислуги... А если денег нет?)

В общем, все шло прекрасно, когда четыре месяца назад...

– Четыре месяца назад, – сказал счастливый молодожен, – в Кервуде совершенно неожиданно появился мой шурин, Артур Харкер.

– И стал просить у вас денег, – вновь решил блеснуть дедукцией Кеннеди.

На сей раз у моего коллеги не выгорело.

– Нет, кое-какие средства у него были, – отверг догадку Рокстон. – По крайней мере, просьб о материальной помощи я не слышал. Скорее – о моральной поддержке. Как дал мне понять Арт, он более чем достаточно повидал и испытал, с лихвой утолив присущую ему с детства тягу к авантурным приключениям. И решил вернуться к оседлой жизни, восстановить старые связи, занять подобающее его происхождению место в обществе...

– Понятно, – прокомментировал Кеннеди. – Как хиппи шестидесятых – которые отправляли в мусорный бак лохмотья и хайратники, остригали патлы, – и спокойно занимали отцовские кресла в советах директоров.

Так оно всё и было. Первую неделю Артур прожил у сестры и зятя, затем обзавелся собственным приличным жильем в Кервуде. И стал – при активной помощи очарованного

им Кристофера – неторопливо и упорно отвоевывать причитающееся место под солнцем. И, в общем, ему это удалось. Родные и знакомые покойных Харкеров-старших поверили-таки в исправление и перерождение блудного сына, – двери лучших домов Мэна оказались для Артура открыты. Судя по всему, не за горами был и откормленный телец, – вскоре ожидалось назначение Артура Харкера на теплое место в руководстве одного из старейших и почтеннейших мэнских банков – место, которое ввиду старости и болезни должен был освободить член родственного клана Рокстонов... Образование Артура лежало как раз в области экономики, менеджмента и права, – и позволяло рассчитывать на не менее успешную карьеру, чем у Кристофера.

– А потом стряслась эта кошмарная история, – с дрожью в голосе поведал Рокстон. – И травил меня в нее именно Арт...

Тут следует отметить один момент. Прямо о нем Рокстон не говорил. Но судя по тому, как он выражался об Артуре Харкере, этот решительный тридцатилетний красавец со шрамом на виске, испытавший множество самых захватывающих приключений и охотно о них рассказывающий, произвел глубочайшее впечатление на нашего клиента, – выросшего, прямо скажем, в тепличных условиях. Кристофер, как мне показалось, просто боготворил шурина. И весьма скоро после знакомства они стали неразлучными друзьями.

– А спустя некоторое время я заметил неладное, – рассказывал Рокстон. – Иногда Арт пропадал вечерами непонятно где. Иногда – уезжал на день-другой, причем поводы у этих поездок были, мягко говоря, не совсем убедительные... И у меня возникло нехорошее подозрение: прежняя жизнь никак не хочет отпустить из своих объятий Арта – вернее, дружки, оставшиеся от той жизни... И я спросил честно и открыто: в чем дело? Не нужна ли моя помощь?

Артур не сразу, но рассказал зятю, в чем дело. В услышанное было трудно поверить. Оказывается, Артур Харкер давно, еще с последнего курса университета, состоит членом некоей секретной, немногочисленной и глубоко законспирированной организации...

– Нет, нет, мистер Кеннеди, это совсем не то, о чем вы сейчас подумали и о чем подумал тогда я... Не террористы, и не наркомафия, и не клуб каких-нибудь извращенцев...

– С кем же угрозило связаться вашего шурина?

– С ОХОТНИКАМИ НА ВАМПИРОВ!!!

Мы с Кеннеди переглянулись. Последовала короткая немая сцена. Затем зять охотника-вампиборца продолжил объяснения.

Естественно, сначала Рокстон в это не поверил. Хотя весьма любил на досуге полистать литературу о всевозможных паранормальных явлениях. Но – не поверил. Думал – хобби, игра, вроде многочисленных обществ охотящихся за тарелочками уфологов. Или шарлатанство – как возникшие кое-где организации, специализирующиеся на искоренении призраков и полтергейстов, отнюдь не безвозмездном. Но дело оказалось куда более серьезным.

Рассказ Артура изобилдовал мелкими, вызывающими доверие подробностями. К этому прилагался немалый авторитет, который шурин успел заслужить у Кристофера. В результате Рокстон, твердо решивший в начале разговора вырвать родственника из паутины прошлого, – сам оказался в нее втянут. Предложил свою помощь – всё еще до конца не веря, всё еще считая увлекательной и захватывающей игрой.

– Понимаете, – уныло говорил он, – жизнь идет по замкнутому кругу, ничего нового. Тот же офис, те же заседания, те же бизнес-ланчи, те же презентации проектов и подписания документов... И после работы все одно и то же: клуб, гольф, воскресные барбекю и пикники с одними и теми же лицами... Тьфу!

Понятно... Тихое сонное болотце, а тут вдруг – интрига, тайна, грозящая схваткой с загадочным и кошмарным, – при подспудном убеждении, что все это не всерьез, что никакой реальной опасности нет...

Кончилось тем, что Артур свел Кристофера с тремя коллегами-охотниками. Вампир-борцы скрывали лица под черными капюшонами с прорезями и именовали друг друга прозвищами. Неофит тоже вступил в их ряды инкогнито – пока что в статусе кандидата. И вместе с Артуром стал порой уезжать на день-другой или изредка пропадать вечерами...

– Поначалу, в первый месяц, ничего серьезного не случилось, – продолжал свою повесть горе-охотник. – Следы, на которые выходили наши коллеги, оказывались ложными. Тесты – у них, доктор Блэкмор, есть специальные тест-системы, позволяющие определять вампиров, представляете? – тесты показывали отрицательные результаты. Я постепенно начал терять интерес к игре, ночные поездки с замаскированными лицами увлекали всё меньше, и тут, и тут... Боже, если бы я знал, чем все кончится...

4.

Тем вечером, уже в темноте, – полтора месяца назад – они выехали на машине Артура. И дорогу Кристофер запомнил более чем смутно. Отъехали недалеко, миль на пятьдесят, – но по второстепенным трассам, часто сворачивая вовсе уж на проселки. И место развернувшейся трагедии Рокстон точно назвать не мог. Где-то у границы штатов Мэн и Нью-Хемпшир – а может, уже и за границей. На перекрестке двух грунтовых дорог их поджидал «форд-фургон» с тремя коллегами-охотниками. Фоб, Юстас и Трувер – так те себя называли. Вернее, брат Фоб, брат Юстас и брат Трувер, – вампироборцы считали себя повязанным кровью братством. Арт был братом Деймосом. Кристофера охотники называли Джун. Просто Джун, без «брата», – принести клятву и вступить в братство ему еще предстояло...

Судя по привезенному в фургоне снаряжению, на этот раз дичь была вычислена со стопроцентной уверенностью. Свежесрезанные осиновые колья, большие стеклянные емкости со святой водой, аэрозольные баллончики с чесночным экстрактом, специальные фонари, выдающие ультрафиолетовую составляющую солнечного спектра – причем куда более мощную, чем в естественном солнечном свете, который вампиры с неприязнью, но переносят...

Почему вампироборцы не использовали огнестрельное оружие с серебряными пулями, Рокстон объяснить нам не смог, сам не запомнил, – причину ему называли, но что-то мудреное и пересыпанное медицинскими терминами, связанное с метаболизмом вампиров... Неудачный же выстрел вообще мог привести к совершенно непредсказуемым мутациям вампирского организма. Устав категорически запрещал охотникам стрелять – даже для спасения собственной жизни... Джуну-Кристоферу подробностей не рассказали, но, очевидно, в свое время были попытки нарушения братьями этого жесткого правила. Закончилось всё, надо понимать, трагично, – потому что теперь перед каждой акцией охотники обыскивали друг друга на предмет спрятанного огнестрельного оружия.

Они выпили – как всегда перед «делом» – по стакану святой воды, частично опустошив одну из емкостей. Обычная проверка чистоты собственных рядов... И пошли.

... Целью похода оказалась полуразрушенная хибарка, явно нежилая. Лежка вампира находилась там. И до полуночи он не покинет ее. На часах было без четверти двенадцать...

На Кристофера Дж. Т. Рокстона, вице-президента «Энергетической Компании Западного Мэна», было жалко смотреть, – сейчас, в офисе агентства «Бейкер-стрит, 221». Он побледнел, лицо покрылось бисеринками пота, голос дрожал и прерывался. Впрочем, я подозревала, что и у разрушенной хибары полтора месяца назад он выглядел не лучше... Но тогда имидж вице-президента несколько скрашивал капюшон с прорезями.

– Вы не представляете, что я там увидел, в этой хибарке... Не представляете... – стонал он, все никак не в силах шагнуть в своем рассказе через порог той хижины.

Я вклинилась в его монолог несколько провокационно, чтобы помочь юноше переступить порог, – и в прямом, и в переносном смысле. Сказала:

– Отчего же не представляем? Судя по самому первому сделанному вами заявлению, в хибарке обитала ваша супруга Люси Рокстон, в девичестве Харкер...

Аристократичный глянец мигом слетел с новоанглийского юноши. Он живо напомнил мне моего покойного отца – причем в момент, когда тот на пляже наступил босой пятку не то на фалангу, не то на какое-то еще ядовито-кусачее членистоногое.

–!!!.....!!!³ – завопил наш клиент, подпрыгнув на два фута в высоту.

³!!!.....!!! (англ.) – грубые ругательства.

Впрочем, через несколько секунд новоанглийское воспитание взяло верх и он вернулся к цивилизованной манере беседы. Но порог перешагнул, – что, собственно, от него и требовалось.

– Извините, доктор Блэкмор. Извините, мистер Кеннеди. Нервы. Нет, конечно же, Люси там не было. Но все равно я оказался потрясен. Та часть меня, которая действительно верила, – ожидала встретить кого-то вроде Удо Кира или Гэри Олдмана⁴... Импозантного бледного джентельмена в старомодном плаще, с красноватыми глазами и белыми острыми зубами... Но там... Послушайте, у вас есть чего-нибудь выпить?

Кеннеди кивнул, подошел к двуликому шкафу и извлек громадный том – свод имевших место в штате Невада судебных прецедентов. У части страниц внутри фолианта была вырезана середина. Образовавшаяся полость скрывала плоскую бутылочку бренди. Надо же, я и понятия не имела про этот его тайник...

Хорошенько взбодрившись (содержимое бутылочки претерпело существенный ущерб) Кристофер продолжил:

– Вампир оказался женщиной! Впрочем, женственного в этой твари было мало... Отвратительное нечто, закутанное в лохмотья... Встретив днем, ее вполне можно было бы принять за нищую побродяжку. Смердящую, гнусную, но совсем не пугающую... А вот ночью...

Дальше события (если отбросить чересчур эмоциональные оценки мистера Рокстона) развивались так: Трувер и Артур-Деймос тут же направили на вампиршу свет двух фонарей – тех самых, с ультрафиолетовыми лучами. Ей это не понравилось – зашипела, забилась в угол, прикрываясь от света руками.

Опять ошибка, подумал тогда Рокстон, никак не желая признавать в нищенке посланницу дьявола. Но его спутники знали, что делали. К вампирше шагнул брат Фоб (или Юстас? – при одинаковых нарядах и схожем телосложении Кристофер их вечно путал), – шагнул и направил в ее лицо струю чесночного аэрозоля. Кровопийце это понравилось еще меньше. Она сначала отпрянула, а потом...

– Потом она попыталась его укусить!!! Представляете? Не ударить рукой, не пнуть ногой, – как сделал бы любой нормальный человек... Вообще человек... Даже не оцарапать... У-КУ-СИТЬ!!! Он едва успел отдернуть руку, зубы шелкнули в считанных миллиметрах от нее. Вот тогда я впервые с ужасом заподозрил, что игры тут мало... Что все всерьез...

Но главная проверка, как знал Рокстон, – это святая вода. Применяемые тест-системы, теоретически не способны были выдавать ошибки. Но на практике охотники за вампирами предпочитали дважды и трижды перестраховаться, чтобы не уничтожить невинного. Брат Трувер снял крышку с емкости – и очень быстро, не давая вампирше опомниться, окатил ее святой водой – всю, с ног до головы. Вылил не меньше галлона...

Дойдя в рассказе до этого места, молодой Рокстон вновь приложился к бутылочке – на этот раз не спрашивая дозволения. Неудивительно, что с такими наклонностями он попадался полиции за езду в нетрезвом виде...

– Боже, что тут было! Она взвыла, как тысяча демонов! Она каталась по земле и раздирала когтями свою кожу! А зловоние... Я только тогда понял, что значит выражение «адское зловоние» – в самом буквальном его смысле... Я подумал, что меня немедленно стошнит – прямо внутрь капюшона. Но каким-то чудом сдержался...

Всё было ясно. И охотники приступили к казни. Длинным, раздвоенным на конце осиновым колом брат Трувер прижал к земле ноги вампирши. Юстас (или Фоб?) и Артур-Деймос такими же кольями – руки. Трое крепких мужчин с трудом удерживали в неподвижности на вид тщедушное тело. Четвертый охотник, не то Фоб, не то Юстас, взял другой кол – укороченный и остро заточенный. Приставил к лохмотьям в районе сердца. Замахнулся кувалдой...

⁴ Удо Кир, Гэри Олдман – известные актеры, исполнявшие роль графа Дракулы.

– Кровь ударила вверх фонтаном чуть ли не в ярд высотой! Причем, – обратите внимание, доктор Блэкмор, – совершенно не людская кровь! Черная!

(Удивляться мне тут было нечему. Любая кровь в свете фонариков покажется темной, почти черной.)

Вампирша продолжала подергиваться – но уже конвульсивно. Охотники отпустили удерживавшие ее колья. И, один за другим, нанесли удары кувалдой по торчащему из сердца колу. Последним ударил Джун... Иначе говоря – Кристофер Дж. Т. Рокстон...

– Я был в полном шоке, мистер Кеннеди! Всё оказалось так неожиданно, так... Я просто не понимал, что делаю, зачем... Но чувствовал – это мой последний выезд на охоту. Если даже по земле и бродят такие твари – пусть ими занимаются профессионалы. Такие ощущения не для меня. Уж лучше скучать в офисе «Западной Энергетической»...

Тут же, у затихшего трупа, Рокстон встал на колени и принес клятву, повторяя ее вслед за Артуром, – сам не понимая, для чего это делает. Слов не запомнил. Лишь отложились в памяти, что за разглашение и отступничество сулились какие-то жуткие кары... Встав с колен, Кристофер стал полноправным членом братства...

– В машине, на обратном пути, я вовсе не успокоился. Наоборот, вспоминал и вспоминал произошедшее, в самых мелких деталях, – и всё больше накручивал сам себя...

Артур, пытаясь вывести родственника из шока, дал выпить ему глоток виски – небольшой запас спиртного он всегда возил с собой. И стал рассказывать, как сам стал охотником – восемь лет назад. Он тогда жил здесь, в Мэне, с тринадцатилетней сестрой и родителями – приехал из университета на каникулы... В то лето все и началось. В соседнем округе Кроули (именно там проживали Харкеры) начали исчезать дети. Один, второй, третий... Все грешили на сексуального маньяка – пока не нашли десятилетнюю девочку, без следов надругательства, но с разорванным горлом. Разорванным явно зубами... Артур – видевший себя в мечтах отнюдь не банковским юристом, но адвокатом по самым громким уголовным делам и зачитывавшийся романами о Перри Мейсоне – попытался провести самостоятельное расследование. И столкнулся на этой узкой тропинке с охотниками за вампирами... Так все и началось.

Того вампира, кстати, они не поймали – исчезновения детей прекратились. Но Артур уже втянулся, не мог остановиться... Карьера после университета пошла к чертям, родительское наследство большей частью ушло на нужды охотников... Сейчас, став старше и поняв, что никаких осиновых кольев не хватит, чтобы уничтожить все зло на земле, он и рад бы расстаться с братством, – но опасается, что долго после такого шага не заживется...

Рокстон – не то от неторопливого рассказа, не то от виски – несколько успокоился. Но перед расставанием шурин вновь его огорошил. Протянул довольно большую коробку с карамелью. Карамелью на палочках. Сказал: «Возьми. По одной каждое утро. КАЖДОЕ! Без исключений... Мы все – кто принимал участие в казнях – так делаем. Случайно подцепленный латентный вирус может сидеть в организме годами – ничем себя не проявляя. Но если карамелька вдруг посинеет... Тогда возьми пистолет и пусти пулю в лоб. Немедленно. Пока еще остался человеком. Мне совсем не захочется охотиться на тебя, Крис...»

Кристофер прекрасно знал, что это за карамель. Предназначалась она для скрытого тестирования вампиров. Анализ проводился по слюне... Когда верхний, сладкий слой таял во рту, человек (или нечеловек) чувствовал дикую горечь и поневоле выплевывал леденец. У нелюдей выплюнутая конфета через пять минут принимала синеватый оттенок...

– Стало быть, – спросил Кеннеди, – несколько дней назад вы решили угостить тестирующим леденцом свою супругу?

5.

– Не знаю, отдаете ли вы себе в этом отчет, – медленно сказал Кеннеди, – но вас втянули в убийство первой степени приотягчающих обстоятельствах – не больше и не меньше. Кем бы ни была та вампириша с точки зрения биологии – для закона она по-прежнему человек, гражданка США...

Наш клиент не смутился от подобного замечания. Он явно с детства рос в убеждении, что перед законом все равны, но новоанглийские аристократы гораздо равнее.

– Ерунда, – заявил он с великолепным апломбом. – Хороший адвокат не оставит от обвинения против меня камня на камне. Гораздо важнее другое: что делать с Люси?

Как выяснилось, в первые дни напуганный Рокстон старательно сосал каждое утро карамель – до появления горечи. Потом с замиранием сердца ждал, не изменится ли цвет. И тщательно прятал коробку в своем домашнем кабинете.

Время шло. Цвет облизанных карамелек не менялся. На охоту «брата Джуна» больше не приглашали. И мало-помалу он успокоился. Кошмар в заброшенной хибаре стал казаться всего лишь страшным сном... Все чаще Кристофер забывал провести утреннее тестирование. Все чаще забывал спрятать коробку...

Все рухнуло пять дней назад.

Вечером в гостиной их дома он обнаружил лежавший на блюдечке облизанный леденец. Один из тех самых. Мутно-голубого цвета...

КОНФЕТА ПОБЫВАЛА ВО РТУ У ВАМПИРА!!!

Следствие оказалось недолгим. Люси, мило улыбаясь, призналась – леденец попробовала именно она. И поинтересовалась: где Крис умудрился купить эту гадость?

Как он сдержался, Бог знает. Деревянным голосом соврал, что в лавочке, торгующей пластиковыми фекалиями, пукающими подушечками и тому подобной ерундой... Она высказала все, что думает об изготовителях и продавцах подобной продукции. И о покупателях тоже.

Кристофер, не вступая в дискуссию, уехал на службу. Но западно-мэнской энергетике в тот день пришлось обойтись без руководства м-ра Рокстона.

Первое, что пришло в голову, – ошибка теста. Конечно же ошибка! У кого-то, изготавливавшего конфету, дрогнула рука – всыпал не тот ингредиент или не в том количестве... Проверить гипотезу было проще простого – попросить у шурина святой воды и облить ею Люси. Может, она посчитает это очередной дурацкой шуткой, может, даже обидится, – неважно, способ помириться найдется. Рокстон стал уже было набирать номер Артура, но тут...

Но тут в памяти стали всплывать мелкие детали и детальки.

Очень странные...

Несколько раз за последние дни он замечал по утрам на жемчужных зубках Люси капельки крови. Она объясняла: с детства страдала кровоточивостью десен, говоря по науке – пародонтозом. Обычно все симптомы снимались зубной пастой – особой, придуманной их семейным врачом и приготовляемой на заказ в ее родном Кроули. Но сейчас никак не может найти, куда засунула коробку со своим запасом тюбиков... Направила внеочередной заказ домой – но пока пасту приготовят, пока пришлют...

Тогда Кристоферу эти слова жены отнюдь не казались подозрительными. Теперь же...

А еще – он вспомнил, что и она тоже несколько раз куда-то пропадала вечерами. И – точь-в-точь как в случае с Артуром – объяснения ее не казались Рокстону убедительными... Теперь – совсем не казались.

Арт! – понял вдруг Кристофер. Ведь тот стал охотником именно из-за того, что рядом с их домом (с домом Люси!) начали гибнуть дети. От зубов вампира...

Все казалось теперь ему странным и более чем подозрительным. Это нежелание жены подставлять яркому солнцу свою аристократично-белую кожу, эти темные очки, которые она не снимала летом...

И все-таки Рокстон никак не мог поверить, что Люси, его Люси...

Он ничего не сказал Артуру. Ничего не сказал другим охотникам (с ними «брат Джун» просто не имел связи). Он раздобыл немного святой воды – совсем капельку – в соседней церкви святого Винсента... И добавил в утренний сок супруге...

ПОСЛЕ ЗАВТРАКА ЛЮСИ СТОШНИЛО!!!

Он почти уверился (а минуту спустя диаметрально изменил мнение), когда на следующий вечер, сразу после его возвращения с работы, к Рокстонам домой явился детектив Райзман из местной полиции. Лицо его показалось смутно знакомым, но лишь после ухода детектива Рокстон вспомнил: именно Райзман год назад дважды штрафовал его за вождение в нетрезвом виде. («Я отнюдь не был пьян, поверьте, доктор Блэкмор, – принимал совсем по чуть-чуть на корпоративных вечеринках! Можно было бы провести независимую экспертизу, но я просто позвонил кому надо – и прыти у этого Райзмана живо поубавилось!»)

Детектив не стал припоминать былое. Сообщил, что в округе Гейри за последние недели исчезли – по одной – три девушки-старшеклассницы. Нет, трупы не найдены, и оснований подозревать самое страшное нет, нынешняя молодежь сами знаете какая, – вполне могли отправиться в путешествие с какими-нибудь парнями, не поставив в известность родителей... Но те волнуются, дают на полицию.

(Интересные в полиции Кервуда порядки, подумала я. Один и тот же человек и штрафует водителей на дорогах, и занимается поиском пропавших подростков. Либо в тамошней полиции серьезная нехватка кадров, либо карьера Райзмана за этот год развивалась весьма динамично. Похоже, он хваткий парень...)

Кристофер спросил настороженно: какое отношение к нему имеют эти исчезновения? Да никакого, успокоил Райзман. Рутинная проверка. Одну из девушек – некую Розу Джулини – в последний раз видели неподалеку от автостоянки «Бассет-клуба». Полиция опрашивает водителей всех стоявших там машин – не подвозил ли кто Розу? Среди прочих там стояла и машина вашей жены – красный «феррари»...

Выйдя в гостиную, Люси ответила коротко: девушку с такими приметами она не подвозила, даже не видела... Кристофер предельно внимательно наблюдал за молодой женой в эти секунды. Ни в голосе, ни на лице ничто не дрогнуло...

Больше вопросов Райзман не стал задавать. Кристофер догнал его уже на улице, у машины, – и спросил: когда произошли эти три исчезновения? Детектив назвал три даты. Потом он уехал – а Рокстон тут же, под фонарем, вытащил из бумажника календарик. И стал восстанавливать в памяти числа, когда Люси загадочно отсутствовала...

ДАТЫ СОВПАЛИ!!! ВСЕ ДО ЕДИНОЙ!!!

Бледный и мрачный, он вернулся в дом. Люси, наоборот, была весела и оживлена, хотела что-то сказать мужу – но тут же осеклась, увидев его лицо...

– Вы высказали ей свои подозрения? – спросил Кеннеди, видя, что клиент замолчал, погружившись в свои мысли. – Или сразу связались с охотниками?

– Охотникам я ничего не говорил. До сих пор. Эти мясники тут же схватятся за свои колья... Люси сидит наверху, у себя, и не спускается вниз. Потому что внизу, в гостиной, постоянно дежурят два частных охранника – с вполне недвусмысленными инструкциями. Она, наверное, считает, что я обезумел от ревности, – в тот вечер она так и не смогла объяснить свои вечерние отлучки. Упорно молчала – и всё. Пусть считает... Может, это и к лучшему – если здесь какое-то дикое совпадение... Если же нет... если она...

Тут клиент сорвался на крик:

– Я не знаю, что делать!!! Не знаю!!! Представляете, что будет, если я убью ее?!! Или позволю убить охотникам?!!

– Представляю, – сказал Кеннеди спокойно и тихо. – Даже самое доверчивое жюри присяжных не поверит, что ваша жена была вампиром. Особенно если прокурор представит дело так, что вы женились ради денег – а теперь избавились от постылой супруги. Наследство Харкоров – доля Люси – теперь ведь находится в вашей собственности?

– Не совсем... У нас раздельное владение имуществом, – понуро сказал Рокстон. – Но состояние Люси завещано мне. Плюс ее страховка – весьма приличная, смею заверить... Прокурору будет на чем строить обвинение...

Черт возьми, подумала я. Прокурор, обвинение, деньги, – и ни слова о том, что он ее любит и не верит во всю эту чертовщину...

– Время не ждет, – сказал Кеннеди. – Нам немедленно надо вылетать в Мэн. Но – никаких ритуальных казней. Если окажется, что ваша супруга действительно виновна в этих исчезновениях – ее изолируют и будут лечить. В конце концов, развода с невменяемой можно добиться достаточно просто...

Позднее Кеннеди признался мне, что в первый момент посчитал, что клиент несколько расцветил своей буйной фантазией реальное положение дел. Что штудирование паранормальных книжонок до добра не доводит. Что сцена казни в заброшенной хибарке чересчур отдает Голливудом – и сочинена для придания весомости надуманным подозрениям...

Вообще-то Кеннеди ошибался очень редко.

Сейчас – как мы поняли позже – оказался именно такой случай.

... Вскоре мистер Рокстон нас покинул, договорившись встретиться через полтора часа в аэропорту, перед посадкой на вечерний рейс на Бангор.

Кеннеди не стал терять времени.

– Собирайся, Элис. Не думаю, что наше пребывание в Мэне затянется. «Зиг-Зауэр» да зубная щетка – вот и все, что тебе понадобится.

Он подошел к сейфу, намереваясь убрать туда договор и подписанный Рокстоном чек. Распахнул дверцу. Изнутри немедленно повалили клубы едкого белого дыма, заполнив весь кабинет...

Проклятие!

Мы совсем забыли про пистолет и нашу невинную химическую мистификацию!

Я – буквально на ощупь – включила принудительную вентиляцию на полную мощность. После чего мы – тоже на ощупь – выбрались в комнату, где Кеннеди проводил свой «следственный эксперимент». Как выяснилось, я немного ошиблась в своих догадках о его сути. Вместо патриотической надписи типа «US FOREVER» доску украшала выбитая пулями сентенция:

КАУНТЕР – СКОТИНА

Мнение Кеннеди о его бывшем фэбээровском начальстве оказалось незаконченным – в последней букве не хватало двух точек.

– Патроны кончились... – виновато улыбнулся Кеннеди.

Я отошла на другой конец комнаты, достала оружие и исправила упущение.

Не люблю незавершенной работы.

6.

На билетах Рокстон не стал экономить – в салоне VIP-класса никто, кроме нас троих, не летел. Действительно, в полете, длящемся чуть больше часа, вполне можно обойтись без этих удобств: улучшенной звукоизоляции, совершенно поглощающей звук двигателей, и арманьяка, подаваемого вместо традиционного в бизнес-классе виски; без укороченных до полного неприличия – по сравнению с другими салонами – юбок стюардесс...

Впрочем, одно преимущество VIP-класса – безлюдность – оказалось весьма полезным. Можно было продолжать разговор, не опасаясь вызвать нездоровое любопытство соседей. Кеннеди задавал вопросы – многочисленные и, на мой взгляд, достаточно бессистемные.

– Как я понял, ни одного из троих охотников вы опознать не сможете? Ни Фоба, ни Трувера, ни Юстаса?

– Не смогу. Ни разу не видел их без капюшонов.

– А по голосам?

– Тоже не смогу. Мы надевали на рот такую специальную повязку – дышать не мешает, но голос искажает сильно...

Рокстон прикрыл рот носовым платком и что-то глухо пробубнил сквозь него. В принципе, подобный голос опознать можно – если записать и обработать на специальной аппаратуре. Но захватить диктофон хотя бы на одну операцию Кристофер не озаботился.

– У вас еще остались тестирующие леденцы?

– Да, десятка два...

– Охотники знают о вашей поездке к нам?

– Не думаю... Все обставлено как командировка по делам «Западной энергетической».

– Вы были знакомы хоть с одной из пропавших в Кервуде девочек?

– Нет. Мы, как бы лучше выразиться... В общем, я принадлежу к несколько иному социальному кругу.

– Какое образование у вашей супруги?

– Она не доучилась два года до диплома искусствоведа... В колледже святой Инессы.

Понятно, подумала я. Одно из самых элитных учебных заведений Новой Англии...

– Бросила учебу?

– Нет, взяла годичный академический отпуск. Думает продолжить... Думала...

– У вас есть хорошие знакомые среди руководства вашей окружной больницы?

В ответе Кристофера прозвучала нотка спеси:

– Мистер Кеннеди... В Мэне у меня хорошие знакомые есть везде.

– Отлично. Проведем небольшое амбулаторное обследование миссис Рокстон – без излишней огласки и под руководством доктора Блэкмор. Следующий вопрос: в каких емкостях охотники хранят святую воду?

– Большие бутылки из очень толстого стекла, емкостью около галлона. Широкие горлышки, пробки не резьбовые – стеклянные, очень плотно притертые.

– Стекло прозрачное или коричневое?

– Прозрачное.

– И какая вода на вид?

– Обычная – вода как вода. На вкус – я ведь ее пил – приятная, свежая, словно ключевая...

– А где ее берут охотники?

– Не знаю... Надо думать, в одной из церквей...

– Осиновые колья они вырубали при вас?

– Нет, приносили готовые.

– Какие они на вид, опишите подробнее.

– Большие – те, которыми прижимают к земле вампира, – длинные, около пяти футов, раздвоенные на конце. Рогулька крепкая, надежная, с острыми концами.

– Кора снята?

– Нет. Только на коротких – на тех, которыми... Ну, вы понимаете... Те в полтора фута длиной, заточены и очищены крайне тщательно – ни единой неровности. Более того, покрыты лаком – на основе чесночного экстракта.

– Надо же, как все продумано... А куда вы подевали труп убитой вампирши? Так и оставили в хибарке?

– Нет. Там поблизости был какой-то обрыв... Я плохо разглядел в темноте, но по-моему внизу что-то журчало – ручей, речка... Туда мы ее и сбросили.

– Кол вынули?

– Ну что вы! Ведь тогда она... Ну, вы понимаете...

– Понимаю... Дядя Люси – тот, под опекой которого она состояла – продолжает поддерживать с вами тесные отношения?

– Ну как сказать... Видимся раз в два-три месяца, перезваниваемся, обмениваемся открытками на Рождество. По большому счету, близких отношений нет – формальная родственная вежливость.

Игра в вопросы-ответы прекратилась, только когда шасси самолета мягко коснулось посадочной полосы аэропорта Бангора, штата Мэн.

Спускаясь по трапу, я обратила внимание на повисшую в небе полную луну.

Близилась полночь.

7.

Наш с Кеннеди приезд клиент решил по возможности законспирировать. Поэтому он не вызвал в аэропорт свою машину с водителем – и мы все втроем отправились на нанятом здесь же такси.

В дороге поговорить не удалось – использование перегородок, отделявших салон от водителя, в патриархальном Мэне не практиковалось. Доверчивые люди – ни один дорожащий жизнью и здоровьем нью-йоркский таксист просто не выехал бы из парка на смену без подобного приспособления...

Поговорить не удалось, но водителя – молодого и словоохотливого – мы наслушались вдоволь.

– Обратите внимание, леди и джентльмены, проезжаем историческое место, – вещал таксист. – Вот на этом пригорке попал под машину сам Стивен Кинг, знаете такого писателя? Хороший мой знакомый, тысячу раз его возил. Свойский парень, и на чаевые не скупится – сколько зацепит пальцами в бумажнике, столько и вытаскивает. Хотя, конечно, каких только гадостей про наш штат не пишет. Его почитаешь – так в Мэне под каждым кустом не вампир, так оборотень, не мутант, так маньяк-расчленитель... На худой конец тарелка инопланетная зарыта... А как он Салемс-Лот конкретно обгадил, не читали? Вампирский, дескать, городок. Теперь тамошних жителей даже в приличные мотели не пускают. Как прочитают в книге регистраций: Салемс-Лот – так тут же: мест нет! Только что были – и все кончились. Хотя... В общем, действительно есть что-то в тамошних людишках неприятное. У меня вон теща из Салемс-Лота. Глянешь на нее в профиль – ну натуральная вампирша! И дочка у нее вся в мамочку... И сосут, сосут мою кровушку...

Тут Кристофер не выдержал. Достал бумажник – явно страдающий избыточным весом и готовый лопнуть по швам. Не глядя, зацепил пальцами и вытащил достаточно много купюр. Положил на таксометр. И негромко прорычал:

– А теперь послушайте меня, мистер-р-р-р! Это – ваши чаевые. При одном условии: вы сейчас заткнетесь и будете молчать до конца поездки!

Подействовало мгновенно.

8.

В Кервуд мы въехали глубокой ночью. Шофер, так и не проронивший ни слова, сгреб чаевые и газанул по пустынной улице. Рокстон повел нас с Кеннеди к своему дому – действительно премилому особнячку – но отчего-то показавшемуся мне в свете фонарей загадочным и мрачным. Поневоле я ожидала неприятностей – и предчувствия меня не обманули.

Неприятности начались буквально от дверей – и глашатаями их выступили два рослых и мускулистых молодых человека. Охранники, догадалась я. Вид у молодых людей был растерянный.

– Мистер Рокстон, – немедленно заговорил один из них, – мы досконально выполняли все ваши инструкции, но пару часов назад услышали с улицы звук мотора – совсем рядом, Джим вышел пройтись вокруг дома, и увидел...

Кристофер не дал ему договорить:

– Сбежала! – ахнул он и бросился на улицу. Мы – за ним. Следом – охранники.

Из окна второго этажа свисала плетеная нейлоновая веревка. Толстая, почти канат. При минимальных спортивных навыках – а отчего и не быть им у молодой женщины, едва перешагнувшей двадцатилетний рубеж? – спуск по веревке особых затруднений не составил бы. Принадлежавшего Люси красного «феррари» в гараже не оказалось...

– Вон отсюда! – рявкнул наниматель на охрану, не слушая попыток оправдаться. – Я воспользуюсь услугами другого агентства! Вон!!

Прощтрафившиеся телохранители ретировались в ночь. А мы стали размышлять: где сейчас упущенный ими объект охраны? И – самое главное – чем занимается?

9.

В жизни аристократов, помимо массы неудобств, имеются и кое-какие преимущества. Одно из них состоит в реакции людей на ночные звонки аристократа – они тут же начинают уверять, что вовсе и не собирались спать, что просто задумались с закрытыми глазами и готовы оказать любую услугу, потребную уважаемому мистеру Рокстону.

В результате такой услужливости через сорок минут у дома вице-электрика штата Мэн стояли две машины – для меня и для Кеннеди – лично доставленные владельцем бюро проката и его помощником. А спустя еще десять минут прибыл семейный врач Рокстонов – с историей болезни миссис Люси, на которую мне очень хотелось взглянуть. В полицию Кристофер, вопреки первоначальному намерению, звонить не стал. Как я уже говорила, трудностей в жизни аристократов тоже хватает – и боязнь вынести сор из избы лишь одна из них.

Медицинская карточка миссис Рокстон меня не порадовала. Ничем серьезнее легких простуд за семь месяцев семейной жизни она не болела, амбулаторных обследований и функциональной диагностики не проходила, даже анализов не сдавала. Судя по всему, более подробная история болезни, со всеми былыми хворями, осталась в колледже св. Инессы...

Разочарованная, я отправилась спать в гостевую комнату. Когда я уходила, Кеннеди закончил тиранить своими вопросами Кристофера – и вместе с ним склонился над подробнейшей картой Мэна, пытаясь вычислить маршрут к месту казни вампирши. К Артуру Харкеру с этим вопросом его зять обратиться наотрез отказался. Видимо, он считал кары, сулимые за разглашение тайн братства охотников, отнюдь не пустой угрозой.

10.

Спалось на новом месте неважно. Проснулась я, едва забрезжил рассвет.

Кеннеди по-прежнему находился в гостиной – осунувшийся, с темными кругами под глазами. Судя по всему, он так и не ложился. Кристофер дремал рядом, на диванчике, – прямо в одежде, прикрытый пледом.

– Я уезжаю, – вполголоса поставила я Кеннеди в известность. При крепко спящем клиенте играть в начальника и подчиненную необходимости не было.

– Куда?

– В колледж святой Инессы. Тридцать миль – не дальний крюк. Они должны регулярно проводить медосмотры своих студентов. Хочу посмотреть данные анализов и функциональной диагностики Люси.

– Хорошо, поезжай. Постарайся вернуться пораньше.

– Как думаешь искать сбежавшую супругу?

– Никак. Вампир она или не вампир – но ночевать под кустом, вопреки мнению того таксиста, не будет. И в дешевом мотеле не будет. Не то воспитание. Или вернется сюда, или объявится в доме дяди. В последнем случае, думаю, сюда заявится нанятый ею адвокат по бракоразводным делам...

... Утренняя дорога оказалась пустынной. Я внимательно поглядывала по сторонам – у меня была совершенно иррациональная надежда случайно встретить Люси, знакомую мне лишь по фотографиям. Очень хотелось услышать ее независимую версию событий... Почему-то – чисто подсознательно – я была на стороне бедной девочки, а не ее мужа и садистов-охотников. Даже если с ней действительно происходит странное нечто – можно представить, что творится на душе у бедняжки. Представить и постараться помочь...

Тень метнулась из кустов неожиданно. Я едва успела затормозить. Покрышки наверняка прочертили асфальт черным следом... Олень тоже остановился. Посмотрел на меня недоуменно и презрительно, как на представителя явно низшего, деградировавшего класса животных, утратившего в ходе эволюции рога и волосистой покров тела. Закончив осмотр, представитель отряда парнокопытных продолжил свой путь. Да, знаки «Осторожно – дикие животные!» не были на дорогах Мэна пустой формальностью...

Санта-Инесса, небольшой университетский городок, почти полностью состоящий из одноименного кампуса, уже проснулся. И я сразу направилась в тамошний медицинский центр, в который раз жалея об отсутствии в кармане удостоверения с большими буквами «FBI». При его наличии врачи делятся тайнами здоровья своих пациентов куда охотнее.

Но опасения были напрасны. Фамилию Рокстон здесь хорошо знали. Естественно, особой заслуги нашего вице-электрика в этом не было – просто ему повезло родиться в богатом и известном клане... Взглянув на копию договора, поручавшего «Бейкер-стриту» действовать в интересах мистера Кристофера Дж. Т. Рокстона, директор центра д-р Ли тут же предоставил в мое распоряжение свои картотеки – как бумажную, так и компьютерную. При желании я могла узнать всё о здоровье любой студентки и любого студента. Но меня интересовала лишь Люси Харкер.

Как я и подозревала, самое любопытное оказалось на бумажных носителях. Медсестры и ассистентки вечно ленятся расшифровывать и переносить в файлы трудночитаемые закорючки своих патронов. Впрочем, подумав: «любопытное» – я несколько поспешила. По большому счету, ничего особенного в бумагах не было, – обычный набор мелких недомоганий в принципе здоровой девушки. Результаты анализов и функциональной диагностики – в пределах нормы. Если внутри будущей миссис Рокстон действительно гнездились нечто – проявилось это лишь в Кервуде. В период учебы в колледже святой Инессы никаких проблем с организмом у Люси

не наблюдалось. Единственным, за что зацепился мой взгляд, оказалось относительно недавнее направление в Керритаунский госпиталь на ДЛТБ⁵ (в Санта-Инессе аппаратуры для этого не имелось). Очевидно, кое-какие проблемы у девочки таки обнаружились – по женской части. Но с патологической страстью к чужой крови никакой связи это иметь не могло...

На всякий случай, чтобы наверняка больше не ездить в Санта-Инессу, я отправилась в кампус и разыскала бывшее обиталище Люси. Соседка, Саманта Пик, прожившая с ней два года в одной комнате общежития, оказалась на месте. Она отличалась общительностью и словоохотливостью – ссылаться ни на ФБР, ни на клан Рокстонов не потребовалось.

Увы, ничего особо интересного мне услышать не удалось. Подозрительных деталей в поведении подружки Саманта не замечала. Люси Харкер не имела обыкновения где-то бродить ночами и возвращаться утром с окровавленными губами. То есть, конечно, порой она не ночевала в своей комнате, но причина тому нашлась вполне прозаическая: у Люси имелся бойфренд, тоже здешний студент, с медицинского факультета, на четыре года старше. По словам Саманты, этот бойфренд, Ник Андервуд, был на редкость талантливым парнем – обладатель именной стипендии, лауреат и дипломант всевозможных студенческих научных конкурсов и т. д. и т. п.

Интересно, подумала я, знает ли Кристофер о добрых увлечениях жены? Нам, по крайней мере, он об этом ничего не говорил... И спросила: как отнесся Ник к замужеству Люси? Саманта пожала плечами. Если и страдал, то не слишком заметно для окружающих. Лишь еще больше ушел в научную работу. Парень к тому времени уже запатентовал несколько новых медицинских методик – и активно искал спонсора для их внедрения. А не так давно получил диплом и уехал из Санта-Инессы.

Едва ли это имело отношение к нашему делу, но на всякий случай я попросила позволения взглянуть на фотографию Андервуда – если таковая у Саманты найдется. Нашлась, и не одна. Какой-то пикник: озеро, сосны, Саманта, Люси, еще одна девушка – и трое парней. Ник Андервуд оказался среди них самым видным – высокий, почти двухметровый красавец-блондин...

Вот и верь после этого завистникам, твердящим, что гранит наук упорно грызут лишь жестоко обиженные природой по части мужской стати или женской красоты... Глупость какая! У меня, между прочим, четыре диплома – и все с отличием!

⁵ ДЛТБ – диагностика и лечение трубного бесплодия.

11.

Когда я ехала обратно, на мобильный позвонил Кеннеди.

– Как успехи? – поинтересовался он.

Я коротко обрисовала ситуацию.

– Не стоило рыться в архивной пыли, – резюмировал Кеннеди. – Возвращайся, объект твоего научного интереса объявился лично.

– Вернулась?

– Да. Часа через два после твоего отъезда.

– И что?

– А ничего. Прошла к себе наверх и заперлась. На все попытки Рокстона вступить в разговор ответила одной фразой, весьма холодно: она, дескать, взрослый человек, и не потерпит вмешательства в свою жизнь свихнувшихся от ревности дебилов. Со мной тоже разговаривать не желала. Боюсь, в результате появления в обществе Кристофера мой рейтинг упал в глазах миссис Рокстон весьма низко.

Нелегко будет убедить Люси пройти обследование, подумала я. И спросила:

– Что предпринял Рокстон?

– Ты удивишься, Элис... ОН ПОЕХАЛ НА СЛУЖБУ! Сказал, что отсутствовать два дня подряд для человека его положения недопустимо!

М-да-а-а-а... Комментариев у меня не нашлось.

12.

Кеннеди сидел в одиночестве в гостиной Рокстонов и куда-то названивал по телефону. Пользовался он при этом оправленной в золото записной книжкой – наверняка принадлежавшей хозяину дома. Рядом на столике – я удивилась – лежал пистолет.

– Ты опасаясь, что... – Я показала глазами на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Я опасаясь другого, – негромко ответил Кеннеди. – Что Рокстон сообщит-таки охотникам, или они как-то сами пронюхают... Ладно. Забирай Люси и отправляйся в окружную больницу – Кристофер обо всем договорился. А мне надо кое-куда прокатиться, по телефону всё разузнать не получается. Придется лично ознакомиться с некоторыми достопримечательностями штата Мэн. Жаль, знаменитый Салемс-Лот не по пути...

Легко Кеннеди было сказать: «забирай Люси», и укатить... На слабый стук в запертую дверь она не реагировала. На стук посильнее прокричала откуда-то издалека, из глубины своих апартаментов:

– Убирайся к чертям!!! Или я звоню в полицию и журналистам! Ты, конечно, отмажешься, – но тебе ведь не понравится газетный скандал о сексуальных приставаниях самого мистера Рокстона к собственной жене??!!

Как ни смешно, Люси была права. Законы штата Мэн вполне позволяли успешно обвинить мужа в сексуальных домогательствах, направленных на законную супругу. *Dura lex...*⁶

Перекрикиваться через дверь и пару комнат, объясняя Люси, что я вовсе не Кристофер и домогаться её не намерена, мне не хотелось. Чего доброго, действительно вызовет полицию. А если «сама миссис Рокстон» пожалуется местным копам, что я вломилась в ее дом с целью ограбления, – те сначала запихают меня в кутузку, надавав заодно по почкам, и лишь потом станут выяснять, кто я такая...

Оригинальный выход из тупиковой ситуации мелькнул мгновенным озарением. Я торопливо вышла из дома. Если только Рокстон... Так и есть! Толстенная веревка по-прежнему свисала из полуотворенного окна. А я в детстве недурно лазала по канату, да и в колледже не забросила этих упражненьиц...

... На фотографиях Люси Рокстон выглядела несколько симпатичнее. Вернувшись, она забыла смыть макияж, – зато много плакала. А косметика даже лучших фирм выдерживает обильные потоки слез лишь в рекламных роликах...

– Кто вы такая?! – выкрикнула Люси. – Что вам надо?!

Ее рука поползла к мобильному телефону.

Я замерла, не делая резких движений. Вообще воздерживаясь от каких-либо движений. Сказала тихо и очень спокойно:

– Я ваш друг, Люси. Меня зовут Элис. Повторяю ваш друг, а не мистера Рокстона. Я хочу вам помочь...

Слова в подобных ситуациях не слишком важны. Главное – ровный, успокаивающий тон.

На Люси он, похоже, не подействовал. Взгляд ее оставался неприязненным и настороженным, рука медленно ползла к телефону.

Пришлось добавить – надеюсь, что выстрел наугад угодит в десятку:

– Я знаю, Люси, где вы бывали в те вечера. И ни в чем вас не обвиняю... Он действительно очень красивый и умный парень – трудно с таким расстаться сразу...

Попала!

⁶ *Dura lex* – начальные слова латинской поговорки «Закон суров, но он закон». Впрочем, русскоязычные законодатели слово *dura* зачастую не переводят, но лишь транслитерируют. И старательно следуют получившемуся в результате тезису.

Люси пересекла комнату настолько стремительным прыжком, что я трудом удержалась от желания прикрыть локтем горло. Но она всего лишь прижалась к моей груди, орошая ее слезами. В неразборчивом всхлипывании можно было разобрать лишь отдельные слова:

– Я... а он... понимаете, Элис... а он...

Какая все-таки еще девчонка... Надо будет приписать к счету Рокстона стоимость блузки. Отстирывать ее от растворенной в слезах косметики некогда, придется срочно купить новую...
... Через час мы с Люси переступили порог больницы округа Гейри.

13.

К вечеру диспозиция на семейном фронте Рокстонов наметилась следующая:

Люси вновь обосновалась у себя наверху, заперев дверь.

Вернувшийся со службы Кристофер сидел внизу, мрачно и неохотно отвечая на новые вопросы Кеннеди, тоже вернувшегося со своей экскурсии по памятным местам штата Мэн.

Я уныло и беспечно слонялась по дому, ожидая, когда из больницы подвезут результаты анализов. Обследование Люси там провели по всем возможным параметрам и критериям, которые я могла только вспомнить, и времени это заняло немало... Лабораторный анализ карамели-тестера – им я занялась лично – ничего познавательного не принес. В качестве реагента использовалась неизвестное мне вещество, масс-спектрометр лишь приблизительно позволил судить о его составе; большие погрешности давала перемешанная с реагентом леденцовая масса...

Около семи вечера заскочил Артур Харкер – по-семейному, без предварительного звонка. И получил от ворот поворот: мистер и миссис Рокстон никого не принимают. Надеюсь, с ролью новой прислуги я справилась неплохо – прежнюю Кристофер рассчитал немедленно по обнаружении посиневшего леденца... Разочарованный Артур удалился.

А спустя еще полчаса появился гость, которого пришлось-таки принять, – детектив Райзман. Оказался он мужчиной среднего роста и худощавого сложения, со щегольскими рыжими усиками.

– Что на этот раз? – более чем неприязненно спросил его Рокстон.

Беседовали они наедине. Я, добросовестно исполняя роль прислуги, провела детектива в гостиную и удалилась в соседнюю комнату, где уже находился Кеннеди. Благодаря несложному техническому устройству, звукоулавливающая часть которого осталась в гостиной, и двум парам наушников мы прекрасно слышали весь разговор.

Как выяснилось из слов детектива, совершено новое преступление. На этот раз именно преступление, которое, без сомнения, всколыхнет весь штат – хотя пока что информация о нем в прессу не передавалась. Найдена двенадцатилетняя девочка с перегрызенным горлом. Заключение экспертов о следах укусов пока не готово, есть подозрения на бродячую – а то и на вполне домашнюю – собаку. Но... Словом, детектив Райзман, очень хочет поговорить с миссис Рокстон. Потому что неподалеку от места находки трупа ночью снова видели «феррари». Цвет свидетель в темноте не разглядел. Вполне возможно, что красный...

Голос Рокстона прозвучал так, словно рот его обладателя был набит раскаленными добела железными шариками, – обжигающими язык и нёбо дикой болью, и заставляющими при этом говорить невнятно:

– Моя жена больна... Очень больна... Она ни с кем не может увидеться... Я запрещаю вам...

Повисла долгая пауза... Потом детектив сказал:

– При всем моем уважении, мистер Рокстон... Но окружной прокурор тоже наверняка заинтересуется этим «феррари», то и дело появляющимся на горизонте. Заинтересуется и выпишет бумажку, позволяющую побеседовать с вашей супругой вне зависимости от ваших разрешений или запретов.

Скрипнул стул. Раздался звук шагов. Детектив направился к выходу, не прощаясь.

Через несколько минут Кристофер мертвым голосом говорил нам:

– Полиция знает всё... Всё... Днем я позвонил шефу полиции, Голтуотеру, – он весьма дружен с моим отцом. Хотел узнать о тех трех девочках, о пропавших... И... и... Он ничего не сказал мне... Ничего... Лишь успокаивал: работаем, найдем, разберемся... Примерно так гово-

рят с раковыми больными – не подозревающими, что у них рак... Они всё знают про Люси... Может быть, не имеют пока доказательств – но знают...

Он замолчал – надолго. Потом сказал:

– Я не переживу ее ареста и суда... Вся семья не переживет... Миссис Рокстон не может оказаться за решеткой с такими чудовищными обвинениями – чем бы ни закончился процесс... Выбора нет. Я звоню Артуру. Пусть вызывает охотников... Пусть забирают...

Я и сама была шокирована историей с загрызенной девочкой. Неужели Люси оказалась столь ловкой комедианткой? Впрочем, мне приходилось встречать дьявольски хитрых шизофреников, актерские способности которых могли бы принести им не один «Оскар» и «Глобус»...

– Звоните, – глухо сказал Кеннеди. – Другого выхода действительно нет... Но прошу – выждите час. Нам с доктором Блэкмор необходимо тоже подготовиться. Вот уж не думал, что доведется когда-либо увидеть казнь вампира...

– Не увидите, – сказал Рокстон. Голос его зазвучал куда тверже. – Никто вас зрителем не пустит. Разве что можете послушать с помощью этих ваших штучек...

14.

Наблюдать кульминационную сцену своими глазами мне, к сожалению, не довелось. Поэтому попробую изложить ее в третьем лице.

Итак:

Близились полночь. В обширной гостиной Рокстонов царил полумрак – лишь десяток свечей, расставленных тут и там, освещали ее.

Стояла тишина, нарушаемая тиканьем старинных напольных часов. Шестеро собравшихся молчали. Четверо из них – в длинных, до пола, черных плащах с глухими капюшонами – сидели на старинных стульях, расставленных вдоль одной из стен. Пятый, одетый точно так же, – сидел рядом с обширным столом. Шестой – лежал на этом столе, неясные контуры тела скрывались под черным покрывалом.

На другом столе – меньшего размера, стоявшем в углу – были разложены принесенные братьями-охотниками орудия. Колья – длинные, раздвоенные, и короткие, гладко зачищенные. Фонари, аэрозольные баллончики. Стояла объемистая бутылка со святой водой.

Внезапно тело, накрытое черным покрывалом, задвигалось – все сильнее и сильнее. Покрывало сползло с одного конца, открыв взорам собравшихся женские ноги, обтянутые ажурными колготками. Грубая веревка, опутывающая щиколотки, резко контрастировала с этими ногами, на редкость стройными и привлекательными.

Человек, сидевший у стола, встал. Поправил покрывало. И – ударил ребром ладони шевелящуюся фигуру – в районе не то головы, не то шеи. Шевеление прекратилось.

Один из сидевшей у стены четверки обратился к нанесшему удар человеку. Голос был глухой, искаженный:

– Зачем ты призвал нас, брат Джун? Если тебе есть что сказать – говори.

Спрашивавший выделялся среди собратьев ростом и шириной плеч – возможно, поэтому он казался среди них главным.

– Мне есть что сказать, брат Трувер... – ответил Джун медленно. – Но мне очень тяжело говорить... И сначала я хочу спросить вас, братья... Приходилось ли вам сталкиваться с тем, что врагом оказывался близкий вам человек? Друг? Родственник? И если приходилось – то как поступали вы тогда?

Джун сделал два шага в сторону четверки. Простер руку в их сторону.

– Ответь ты, брат Трувер!

Трувер ответил, не размышляя:

– Приходилось, брат... Я встал на этот путь именно тогда, когда вампиром оказался мой родной брат... Узы родства были сильны, но кровь невинных взывала к мести сильнее. Я отдал его братии, скорбя и плача в душе. И сам принял участие в казни.

– Ты, брат Юстас?

– Ты опять ошибся, брат, – я Фоб. Но я отвечу тебе. Близкий друг – с которым мы делили горести и печали – оказался виновен в смерти семи человек. Он был казнен моей рукой.

– Ты, брат Юстас?

Речь Юстаса звучала проще, не так патетично и книжно, как у его собратьев. Но столь же глухо и невнятно:

– Ну как тебе сказать, брат Джун... Чего не было, того не было. Не приходилось никого из близких как-то... Но если бы довелось – думаю, смог бы. А куда денешься? Устав есть Устав – не исполнишь, и живо самого...

– Ты, брат Деймос?

– У меня было подозрение, брат, очень сильное подозрение, – что близкий мне человек стал вампиром. Тогда – несколько лет назад – оно не подтвердилось. Хотя и не опроверглось полностью. Тест дал неоднозначный результат. И она осталась жить...

– Мы ответили на твои вопросы, брат Джун, – произнес Трувер. – Пора и тебе раскрыть все карты.

– Хорошо. Но сначала последний вопрос. Здесь, перед нами, – человек, который мне близок и дорог. Которого мы казним после проверки святой водой – я уверен в ее результате. Ответьте мне, братья: могу ли я отдать его вам в руки, но сам не участвовать в казни?

После короткого молчания за всех ответил Деймос:

– Нет, брат. Иначе в твоём сердце – хочешь ты этого или нет – когда-то поселится ненависть к нам. Единственное, что мы можем сделать, – это избавить тебя от первого удара. Как в случае с первой казненной вампиршей, ты можешь нанести лишь завершающий удар, уже не смертельный. Но ритуал есть ритуал – каждый из нас должен приложить руку.

Джун медленно наклонил голову. Потом подошел к меньшему столу, взял с него емкость со святой водой.

– Я отдаю вампира в ваши руки, братья! Он был дорог мне, и нас связывали родственные узы – но наш святой долг главнее. Берите его и исполните, что должны. Я называю его имя. Это брат Деймос, в миру известный как Артур Харкер!!!

Последние слова брат Джун буквально проревел.

Такого, похоже, не ожидал никто. Трое братьев недоуменно переглядывались, словно надеялись что-то разглядеть друг у друга под прорезями капюшонов. Деймос вскочил, нетвердо сделал несколько шагов по комнате.

– Ты сошел с ума, брат! – нервно выкрикнул он. – Ты спятил! Откуда ты это взял?!!

– Я взял это из чашки кофе, которую ты не допил, брат! В ней был растолченный леденец!!!

Деймос метнулся к маленькому столу, вернулся обратно. Снова крикнул:

– Ты спятил!!! Это ошибка! В любых тестах случаются ошибки!

– Случаются, – не стал спорить Джун. – Но у нас есть способ проверить. – Он сорвал крышку с емкости. – Глотни-ка святой воды, брат!

И он сделал бутылку резкое движение в сторону Деймоса. Тот мгновенно отскочил, вжался в угол.

Остальные братья, похоже, не представляли, что делать. Нежданный экспромт поломал весь отрепетированный сценарий.

– Ты сбрендил, Крис!!! – визжал Артур-Деймос, враз позабыв о конспирации. – Я же пил святую воду! Пил!!! Совсем недавно, у тебя на глазах!!!

– Ты подменил стаканы, старый шулер. Глотни вот этой!

Он надвинулся на Деймоса и рывкнул (умудрившись сохранить при этом глухой и искаженный голос):

– Пей, или я волью ее тебе в глотку!

Но тут остальные охотники пришли, наконец, к какому-то решению. А может, то была личная инициатива брата Юстаса (настоящего, не того, который оказался Фобом). Как выяснилось, красиво говорить Юстас не умел, зато умел двигаться стремительно и бесшумно. Что и продемонстрировал: подскочил к столу, схватил кувалду и тут же обрушил ее на затылок Джуну...

Бах! – рывкнул выстрел, оглушительный в замкнутом помещении. Черное покрывало слетело на пол, как и обрывки фальшивой веревки. На большом столе вскочила на ноги молодая женщина ослепительной красоты – в коротенькой плиссированной юбке и белой блузке. Волосы ее в свете свечей отливали золотом. В каждой руке красавица держала по пистолету.

– Всем стоять!!! – крикнула она громко, но мелодично. – ФБР!!! Кто дернется – стреляю!

* * *

Как все уже догадались, это была я – доктор Элизабет Рейчел Блэкмор. Обожаю эффектно появляться на сцене. Про ФБР, правда, крикнула сгоряча, по привычке. Но ведь подействовало!

15.

Немая сцена, к сожалению, не получилась.

Испортил ее брат Юстас, с воем ползающий по полу. Совсем не умел терпеть боль этот охотничек – моя пуля лишь чиркнула его по мякоти бедра, не задев ни кости, ни жизненно важных артерий.

Ему вторил Деймос, он же Артур Харкер. Выл и корчился на полу. Кувалда подстреленного мною Юстаса все-таки слегка задела капюшон и плечо Джуна. Часть святой воды выплеснулась – и, очевидно, кое-что угодило в прорези капюшона Деймоса. Теперь тот визжал, катался по полу и пытался разодрать ногтями не то плотную черную ткань, не то собственное лицо под ней. По гостинной волнами расходилось «адское зловоние» – правда, не столь сильное, как расписывал Кристофер.

– Помучайся, подонок, помучайся, – сказал Джун без всякой жалости. – Будешь знать, как поливать кислотой живых людей...

Он аккуратно поставил бутылку на стол, вновь притер крышку. Потом стянул капюшон, сорвал с нижней части лица плотно прилегающую повязку. И обратился к Фобу и Труверу, издающим какие-то невнятные звуки:

– Позвольте представиться, господа. Частный детектив Макс Кеннеди. Можно просто Кеннеди.

И повернулся ко мне:

– Элис, дай мне, пожалуйста, пистолет. В компании этих молодых людей без него я чувствую себя неуютно.

Пока я бросала пистолет, а Кеннеди его ловил, молодой человек по прозвищу Фоб доказал, что сбрасывать его со счетов действительно рановато. Рука его метнулась под плащ. Надо думать, всерьез обыскивали охотники на предмет спрятанного оружия лишь Джуна.

Бах! Бах! – две пули из моего «Зиг-Зауэра» пробили черный капюшон, не задев его обитателя.

– Ну давай, сынок! – ласково сказала я Фобу. – Доставай свою пукалку! Устроим дуэль по-техасски!!! И, клянусь шляпой Клинта Иствуда, твое брюхо станет неразрешимой загадкой для хирургов! Придется им сплавить тебя патологоанатомам!

– Хватит, Элис! – поморщился Кеннеди. И громко возвестил: – Да будет свет!

До чего все-таки он склонен к плагиату...

Свет вспыхнул. Одновременно на сцене появилось множество новых действующих лиц. Люди в полицейской форме, и люди в сером камуфляже – без знаков различия, но с оружием, и люди в белых халатах, и люди с видеокамерами... Где-то на заднем плане маячил совершенно обалдевший Кристофер Дж. Т. Рокстон – без оружия и видеокамеры, но с моими туфлями в руках. Я сделала ему знак, чтобы подошел поближе. Стоять босиком перед честной компанией не хотелось...

– Отлично сработано, мистер Голтуотер! – сказал Кеннеди. – Я так опасался, что вы не выдержите и ворветесь раньше времени... Съемка прошла успешно?

– Вполне, – подтвердил шеф полиции Кервуда. – С нескольких точек. Присяжные обалдеют от этого готического ужастика.

– Подождите снимать с них капюшоны! – остановил Кеннеди людей в форме. – Через несколько минут! По одному и под камерами!

16.

– А теперь, – Кеннеди посмотрел на запястье и поднял руку, – внимание!

Разноголосый гомон смолк. Старинные напольные часы начали отбивать время.

– Полночь! – провозгласил Кеннеди. – На любом приличном маскараде – время снимать все и всяческие маски! Камеры – на меня!

Он быстро приблизился к Деймосу (тот уже перестал выть и тихонько поскуливал) и сорвал капюшон. Сдернул закрывавшую рот повязку.

– Познакомьтесь: Артур Харкер, он же брат Деймос, он же Красавчик Арти – в Неваде он куда больше известен именно под этим прозвищем. Боюсь, в тюрьме ему дадут другое: Уродец Арти. Соляная кислота не слишком подходящая замена лосьону для лица.

Артуру защелкнули наручники и вывели из гостиной. Сквозь раскрытую дверь было видно, как над его лицом хлопотали люди в белых халатах. Но если я хоть что-то понимаю в химических ожогах, Красавчиком ему действительно больше не бывать.

Кеннеди продолжал шоу:

– Номер второй нашей осенней коллекции – брат Юстас! Большой любитель бить кувалдой по затылкам! К сожалению, его настоящее имя осталось для меня загадкой... Может, кто-то из присутствующих мне поможет? – Второй капюшон отлетел в сторону.

Пресловутым «кем-то» оказался наш клиент мистер Рокстон.

– Фреди!!! – возопил он. – Ты что здесь... Это же мой собственный шофер, господа!!!

Юстас-Фреди не стал просвещать работодателя, что он здесь делает. Прохромал за дверь, прямиком в лапы белых халатов. Кровь из раны на его бедре почти не текла.

– Номер третий – брат Фоб! – продолжал изгаляться Кеннеди. Фоб сидел под прицелом аж трех автоматических винтовок – его попытка затеять со мной техасскую дуэль не осталась без внимания.

– У меня есть догадки, – продолжал Кеннеди, – как его называли в детстве папа с мамой, но оставим зрителям интригу! Алле-гоп!!!

И он сдернул капюшон вместе с повязкой.

На этот раз не смог сдержать чувств шеф полиции.

– Райзман! Ах ты....., сучий..... тебя в..... твоей матушки..... старого..... негра!!!

Так вот прямо и сказал, хотите верьте, хотите нет. Не из аристократов, сразу видно.

Детектива Райзмана – очевидно, теперь уже бывшего детектива – увели.

– А теперь жемчужина нашей коллекции!!! Брат Трувер!!! Музыка, туш!!!

Я уже догадалась, кто скрывается под этой маской. И, честно говоря, мне было его немного жалко. Им единственным из всей стаи двигали не только корысть, подлость и зависть...

Брат Трувер встал, выпрямился и сам снял капюшон.

– Пошел ты на..., – сказал он Кеннеди. – Комедиант чертов!

И Ник Андервуд подставил запястья под браслеты наручников.

17.

Разбор полетов состоялся спустя полтора часа в узком кругу.

Присутствовали: частный детектив Кеннеди, доктор Блэкмор, мистер Рокстон, шеф полиции Голтуотер и лейтенант полиции из Нью-Хемпшира по фамилии Лестрид – невысокий и невзрачный человек, чем-то напоминающий живущего впроголодь бульдога.

– Как я понимаю, – задумчиво говорил шеф полиции, – эту рыбу придется жарить вам, Лестрид. Мне, по большому счету, нечего предъявить нашей милой компании...

– Как? – удивился Кристофер. – А пропавшие девушки? А вчерашняя, растерзанная?

– Не было девушек – в смысле, никуда не исчезали. И никто никого не растерзывал. Подлец Райзман просто пугал вас – подверстывая даты и время якобы «исчезновений» и «растерзаний» к отлучкам вашей жены... А мне, наоборот, наплел: мистер Рокстон поехал умом на вампирских книжонках, везде ему чудятся упыри и их жертвы... Так что единственная козырная карта в рукаве у Лестрида.

– Именно, – радостно оскалился бульдогообразный лейтенант. – Хоть Кусачая Мэг и была полоумной и агрессивной нищенкой, но убивать ее не стоило... Присяжные обольются слезами, слушая как пятеро молодых и здоровых ублюдков обливали кислотой и пронзали колом бедную старую больную женщину. Это, я думаю, пожизнен...

– Четверо ублюдков!!! – завопил Рокстон, перебив лейтенанта. – Не пятеро!!! Четверо!!! Разве вы не слышали, что сказал этот мерзавец Арт?! Мой удар ничего не значил!!!

– Слышали и записали, – успокоил Голтуотер. – Лейтенант просто оговорился. Конечно же, четверо ублюдков...

– Но вы к предварительному слушанию все же обзаведитесь хорошим адвокатом, – посоветовал Лестрид. Очевидно, в Нью-Хемпшире клан Рокстонов был известен меньше, чем в Мэне.

– Обзаведусь, обзаведусь... – сказал Кристофер со снисходительно-барственным выражением. Казалось, еще чуть-чуть – и он покровительственно похлопает лейтенанта по щеке.

Я прикусила губу. И подумала: все-таки мы работали не только ради этого надутого индюка. Ради бедной девочки тоже...

– И все же, Кеннеди, не могли бы вы объяснить нам подноготную этой дикой истории? – спросил Голтуотер. – Как могли собраться вместе эти четверо? Ради чего они все затеяли? Как вы столь быстро – едва успев приехать – сумели раскрутить клубок?

– Честно говоря, первые подозрения – вполне потом подтвердившиеся – мелькнули у меня еще до отъезда из Провиденса. Ключевой сценой в рассказе нашего клиента была казнь псевдо-вампириши. А ключевой деталью в сцене – проверка с помощью «святой воды». Именно она окончательно убедила мистера Рокстона, а вот меня сразу заставила насторожиться. Все остальное – ерунда. Любой спящий и внезапно разбуженный человек будет стараться прикрыться и уклониться от бьющего в лицо света. Да и направленная в лицо струя чесночного аэрозоля ни у кого не вызовет положительных эмоций. Но вот «святая вода»... Мы с доктором Блэкмор порой сами ставим невинные химические опыты; и едва я открыл сейф после ухода нашего клиента, – тут-то меня и осенило... (Я незаметно улыбнулась, вспомнив, каким именно образом его осенило.) Инсценировка охотников, конечно, была рассчитана лишь на мистера Рокстона. Люди его общественного положения редко сводят счеты с удачливой соперницей или изменившей подругой, плеснув ей в лицо кислоту. Довольно легко было вычислить, какую. Концентрированную соляную, аш-хлор. Прочие сильные кислоты весьма отличаются от воды по внешнему виду – они либо не бесцветные, либо слишком вязкие и плотные... И действие соляной кислоты на кожу именно таково, как было описано, – сильнейшее жжение, поначалу

без видимого глазу ожога, и весьма характерный резкий запах. То, что мистер Рокстон назвал «адским зловонием»...

– Подождите, – встрял вице-электрик. – А как же леденцы?

– Про леденцы все объяснит доктор Блэкмор – когда до них дойдет черед. Итак, механика преступления стала ясна. Из рассказа клиента всплыл и главный подозреваемый – Артур Харкер. Первоначальная версия была проста. Я считал, что вам, мистер Рокстон, предстояло стать объектом банального шантажа. Характерная деталь – гладкий кол, да еще покрытый неким смазывающим веществом. Идеальная поверхность, чтобы оставить отпечатки пальцев.

– Но ведь... они тоже... – невнятно попытался спорить с профессионалом наивный клиент.

– Мистер Голтуотер, вы обнаружили на подушечках пальцев этой четверки защитную пленку? – спросил Кеннеди у шефа полиции. Тот кивнул. – Вот видите. На коле оставались лишь ваши отпечатки. И мне тогда казалось, что очень скоро у вас тем или иным способом потребуют денег. А эпизод с леденцом и вашей женой, думал я, – досадная случайность, не входившая в планы Артура. Неясно было только, зачем он вообще вручил вам ту коробку с карамелью... Но всё оказалось не так просто. Мистер Харкер не желал вытягивать из вас понемногу. Тем более что с богатым и влиятельным человеком такая игра весьма опасна. Он решил получить много и сразу – всё состояние Люси.

– Каким это образом?

– Унаследовать.

– Чушь... Наследник – я.

– Ошибаетесь. Убийца не может наследовать своей жертве – это объяснит вам любой начинающий адвокат. План был весьма изыщен. Полностью задурив вам голову, подтолкнуть к убийству жены. И тут же, со всеми уликами, сдать в руки правосудия. Чем бы не закончился процесс – скорбящий брат вступил бы в права наследования.

– Зачем так сложно, Кеннеди? – спросил Лестрид. – Не проще ли было убить обоих самому? Или кого-то нанять?

– Очевидно, не проще. Харкер не так давно уже унаследовал весьма приличную сумму – после смерти родителей, в автомобиле которых вдруг отказали тормоза. Кстати, не мешает навести справки в Неваде. Не просыпался ли вдруг у Красавчика Арти интерес к ремонту автомобилей. Не заводил ли он знакомства среди автослесарей. Не закончил ли, часом, какие-нибудь курсы по авторемонту...

– Вы думаете?

– Не уверен. Но в любом случае, смерть еще одной супружеской пары, вновь обогатившая Артура, вызвала бы подозрения. Его план, что ни говори, был изыщней.

– Зачем ему все это? – недоумевал Рокстон. – Ведь все у него шло хорошо, был принят в обществе, вот-вот бы сел в правление банка, мог жениться на девице нашего круга с хорошим приданым...

Ответ Кеннеди мне показался несколько натянутым:

– Ну-у-у... Надо думать, большую часть родительских денег он растранижил. А кресло в правлении без пакета акций за душой – не слишком надежная перспектива; случись на любом собрании акционеров какое-то столкновение клановых интересов – и бедным родственником легко могли пожертвовать... Да и принимать кого-то в доме – это одно, а выдавать дочь за человека без особых средств и с подмоченной репутацией – совсем другое...

А я подумала: этому сорвиголове и авантюристу попросту не хватало свежего воздуха в вашем подернутом ряской болоте. Да, Артур был способен на многое: на любую подлость и низость, на предательство и убийство... Не мог лишь прокладывать путь вверх медленно, шаг за шагом, глубоко пряча интриги под маской благопристойности, годами улыбаясь своим лютым врагам на светских раутах...

– Но как он умудрился собрать столь разнородную банду? – спросил Голтуотер. – В чем был интерес всех этих людей? Лишь в деньгах?

– Не только. Имелись и другие мотивы. У Красавчика весьма силен талант организатора – можете почитать досье о его невадских подвигах. И хорошее чутье на людей. Он безошибочно выбрал исполнителей, питавших к вам ненависть, мистер Рокстон. Например, ваш шофер...

– Фреди?! – возопил Кристофер. – Но за что?! Нигде и никогда он не заработал бы столько, сколько платил ему я!

– Возможно. Но сравнивал он свои доходы не со средним шоферским заработком, отнюдь нет. Скажите, вам ведь случалось давать кому-либо чаевые у него на глазах – так же, как тому таксисту, не считая? Или посылать его зимой за роскошнейшим букетом для Люси – стоимостью этак в половину его месячного жалованья?

Кристофер молча кивнул.

– Ну вот. Потому он вас и ненавидел. По-моему, это и называется классовой ненавистью. Что же касается Райзмана... Вспомните его первый визит, пять дней назад. А именно – лицо полицейского показалось вам смутно знакомым. Вы напряглись и раскопали в памяти: именно этот человек год назад дважды штрафовал вас на дороге! На самом деле воспоминания были чуть глубже. Не верю, мистер Рокстон, что вы сможете, например, вспомнить лицо портье, – оформлявшего вам год назад номер в гостинице. Или лицо продавца в магазине, где вы покупали подарки к прошлому Рождеству... А тут вдруг всплыл из памяти какой-то полицейский... Попробуйте: представьте себе это лицо еще раз – более молодым и без усов...

Экс-вампироборец наморщил лоб, представляя. Спросил неуверенно:

– Глиста?.. – И сам себе ответил: – Глиста...

– Именно так. Ваш одноклассник Эбрахам Райзман по прозвищу Глиста. С большим трудом пристроенный своим отцом в вашу элитную школу... Надежды Райзмана-старшего на то, что сын с детства сведет дружбу с нужными людьми, не сбылись. Во время учебы Глиста служил вам козлом отпущения и мальчиком для битья, а после выпуска тут же был прочно забыт. Вы, мистер Рокстон, надо думать, были одним из главных объектов его зависти и ненависти... Он пытался мстить – глупо и мелко. Вычислив дни ваших корпоративных вечеринок, подстерегал вас на трассе, хотя в обязанности детектива это никак не входит. Возможно, думал довести дело до суда за вождение в нетрезвом виде. Но просчитался – оказалось достаточно одного вашего звонка, чтобы Райзману надели намордник. И – он оказался бесценной находкой для шлифующего свой план Артура. Полагаю, именно Райзману надлежало бы арестовать вас сегодня. Над трупом жены, с окровавленным колом в руке... Вышел бы из комнаты в образе брата Фоба – а через минуту ворвался бы обратно в ипостаси полицейского...

– Но я бы все рассказал про них!

– Про кого? Про вампиров? Про охотников на них? Про братьев Трувера, Фоба и Юстаса? Вы не знали ни их имен, ни лиц, ни голосов... Присяжные бы посмеялись. Артур же наверняка состряпал себе железное алиби, и доверительно сообщил бы суду, что давно замечал у своего зятя странные фантазии. И не раз заставлял его за чтением вампирских книжек... В вашей личной библиотеке, полагаю, изданий подобного рода в последнее время прибавилось? Да и раньше вы увлекались паранормальной литературой...

– А этот, четвертый верзила, как там его... Ну, в общем, Трувер?

– Здесь чуть сложнее, тут сплелись два мотива. Как выяснила доктор Блэкмор, у Ника Андервуда был роман с Люси – еще до ее замужества. Кроме того, он подавал очень большие надежды на научно-медицинском поприще. Ему нужен был капитал для раскрутки кое-каких своих идей. Думаю, приданое Люси вполне помогло бы совместить приятное с полезным. Потом появились вы, мистер Рокстон, – крахом завершилась и любовь, и научные планы. А потом подвернулся Артур, рыскающий по прошлому Люси в поисках сообщников...

Тут в разговор вмешалась я:

– Не верю, Кеннеди. Не верю, что он собирался хладнокровно лить кислоту на лицо девушки, которую любил...

– Все было немного по-другому. Ник – единственный из охотников, кто вел свою тайную игру за спиной Артура. Его задача была проста – кроме исполнения роли Трувера, он должен был два-три раза выманить из дому Люси. Расчет несложный: правду об этих встречах она мужу никогда не расскажет, а любую ложь легко разоблачить. Если отнести на эти же отрезки времени преступления мифического вампира – что было задачей Райзмана – то капкан для четы Рокстонов захлопнется. Но Андервуд, как я уже говорил, затеял свою игру. Зная, что сутки назад отношения Люси и Кристофера обострились до предела, Ник попытался в одиночку сгрести весь банк. Вернуть себе и женщину, и ее деньги, и напоследок утопить соперника – дав наводку на мистера Рокстона в деле убийства нищенки из Нью-Хемпшира. Но – не сложилось. Прошлую ночь они провели с Люси... спокойно, Рокстон! Сядьте! Никакой измены, думаю, не было. Ник долго и упорно доказывал Люси, какая скотина ее муж, напоминал про былые их счастливые дни и предлагал вернуть их... Старания пропали втуне. Люси вернулась к вам, Рокстон.

И совершенно напрасно, подумала я. Кеннеди же тем временем продолжал:

– Тогда и только тогда Ник Андервуд решил мстить. Даже не столько сопернику – сколько вновь отвергнувшей его женщине. Вот, собственно, и вся психологическая подоплека событий...

– Подождите, подождите... – вспомнил шеф полиции. – А конфеты? Те чертовы леденцы? Как я понимаю, это выдумка Андервуда, как и трюк с кислотой. Но что они тестировали, черт меня раздери?! Не вампиризм же, в самом деле? Почему у жены во рту они синели, а у мужа нет? И как Харкер мог основывать план на случайной находке своей сестрой коробки с леденцами? Он-то, просчитывавший все до секунды и дюйма?

– Как много вопросов... – улыбнулся Кеннеди. – Я отвечаю лишь на последний. Никакой коробки Люси не находила. Конфету – одну – положил на стол Артур, бывавший у Рокстонов запросто. Он знал, что сестра с детства любит леденцы – и не удержится, попробует. Надо понимать, время визита просчитано было идеально – чтобы прислуга не успела убрать обсо-санный леденец до возвращения хозяина дома. Зная воспитание Люси, Артур был уверен – выбрасывать что-либо в мусорное ведро она в жизни не отправится... А что касается происхождения леденцов – тут слово доктору Блэкмор.

И я взяла слово. Но начала рассказ не с конфет на палочке – с Люси.

– Как вы знаете, господа, сегодня я пробыла почти четыре часа в окружной больнице Гейри вместе с миссис Рокстон. Были проведены все возможные на сегодняшний день исследования для выявления в ее организме каких-либо мутаций, патологий, изменений и отклонений от нормы. Результат более чем скромный. Выявлена одна легкая патология, никак и ничему не угрожающая. И – одно вполне функциональное изменение.

– Что за патология?

– Что за изменение?

Рокстон и Лестрид задали эти вопросы хором.

– Патология – легкая кровоточивость десен, иначе говоря – пародонтоз в довольно слабой форме, – ответила я. – А функциональное изменение – семинедельная беременность.

– КАК?! – завопил этот идиот. И вновь, как в «Бейкер-стрите», подпрыгнул на два фута. Нет, пожалуй, даже выше.

– А вот так! Вы тупица, Рокстон! Она хотела вас порадовать, рассказать вам всё, когда вы полезли к ней с бредовыми вампирскими подозрениями! Черт возьми, она почти год лечила трубное бесплодие – тайком от вас, тайком от всех! – и вылечила таки... Вы идиот, Рокстон!

Я замолчала. Ничего говорить больше не хотелось...

– Леденцы... – мягко напомнил Кеннеди.

– Ну что – леденцы... Я проверила по «Реферативному журналу университетов Мэна» – Ник Андервуд разработал новый тест на беременность, по содержанию мукоидов в слюне... Похожие были и раньше, но те отличались большими погрешностями... Артур Харкер и эту детальку приспособил в свою схему... Убил двух зайцев. Рокстон забеременеть не мог по определению, Артур же в случае чего получал сигнал – медлить нельзя, появление еще одного наследника не за горами.

– Постойте... – не понял Лестрид. – А если бы Люси не забеременела так вовремя? Ситуация бы подвисла?

– Не знаю... – устало сказала я, вставая. – Думайте сами... Уж как-нибудь Красавчик Арти извернулся бы...

Обстоятельно ответил Кеннеди:

– Многое выяснится после допросов «братьев». Но, мне кажется, про лечение Люси от бесплодия Харкер знал. Доктор Блэкмор, скорей всего, лишь повторила его путь в Санта-Инессе. А проведя разведку в госпитале Керритауна, Артур мог узнать и об успехе лечения. Думаю, этот факт весьма ускорил исполнение плана – и породил кое-какие шероховатости, позволившие размотать клубок. При наличии большего времени, втягивая вас, Рокстон, в анти-вампирскую возню медленно и постепенно, он мог добиться того, что вам и в голову бы не пришло обратиться в «Бейкер-стрит»... Можно предположить, что Андервудом были созданы и другие тесты, не только леденцы, – ими Артур регулярно и тайно тестировал сестру. Получив положительный результат, немедленно начал действовать. Как попала ему на заметку нищенка из соседнего штата, имевшая обыкновение в драках с себе подобными пускать в ход зубы, я не знаю. Но кандидаткой на роль «вампириши» в затеянном спектакле она стала идеальной...

Рокстон, долго молчавший и что-то обдумывавший, вдруг выдал:

– Всё это инсинуации, ничем не подкрепленные!

Тут я не выдержала. Не стала слушать и вышла из комнаты. В спину летел визгливый голос Рокстона:

– Во всем виноват проклятый Андервуд! Он пружина всего дела! Артур на скамье подсудимых – позор всему семейству, обоим семействам! Я не позволю...

18.

Голос Рокстона становился слабее и стих совсем. Я поднялась по лестнице, постучала в дверь условным стуком. Люси открыла сразу, словно ждала меня под дверью. Наверное, так оно и было.

В комнате оказалось темно. Силуэт Люси вырисовывался на фоне окна. На фоне ночи и звезд...

– Ну что там, Элис?

Я – по возможности коротко – пересказала состоявшийся внизу разговор. Не скрывая ничего – ни того, что было, ни того, что могло произойти. С ней произойти.

Она молчала. Долго молчала. Потом мне показалось, что Люси тихо и горько рассмеялась. Лишь через секунду я поняла – это плач.

Потом она вновь оказалась у меня на груди, и пальцы ее вцепились мне в плечи, и новая блузка опять оказалась испорчена, но мне было наплевать, и снова можно было понять и разобрать очень немного: «Они... ну почему?... Они... Элис...» – но это было неважно, потому что порой женщины понимают друг друга без слов; моя рука гладила ее по волосам, и мне хотелось сказать: «Девочка, если сейчас ты задумаешься о семейной чести, или о будущем своего ребенка, или о нежелании ломать только-только налаженную жизнь, – и не сделаешь того, что должна, – то ты пропала, потому что он обязательно предаст тебя снова, предаст, когда некому будет тебя спасти и вытащить...» – но я промолчала, потому что сейчас она сделала бы все, что бы я ни сказала, сделала бы не задумываясь, а я не могла и не хотела решать за нее; потом я поняла, что она прижалась ко мне слишком плотно, и что ее пальцы уже отнюдь не вцепились, и отнюдь не в плечи, и надо было осторожно отодвинуться, и тихонько сказать: «Не надо, девочка, не все мужчины такие свиньи, как эти трое, попавшиеся на твоём пути, раны заживут, и ты еще встретишь одного, единственного, и будешь счастлива...». – но я не отодвинулась, и не сказала ничего, потому что губы были заняты другим, а отодвинуться от нее сейчас я просто не могла... Да и не хотела.

19.

Когда спустя час с лишним я вернулась на первый этаж, разговор о преступлениях уже закончился. Начался разговор о деньгах.

Кристофер Дж. Т. Рокстон, надутый и обиженный, неприязненно спросил:

– Сколько я вам остался должен, мистер Кеннеди?

Кеннеди ответил не сразу. Закурил – впервые за вечер. Внимательно посмотрел на мою испорченную белоснежную блузку. Поднял взгляд вверх, словно хотел увидеть на потолке искомую цифру. А может, просто вспомнил про Люси...

И сказал:

– Помимо аванса и с учетом моего травмированного плеча, двух испорченных блузок доктора Блэкмор, и нашего с ней совместного разочарования в людях, – вы должны нам сто тысяч долларов, мистер Рокстон.

– СКОЛЬКО???

– Сто. Тысяч. Долларов.

– Вы спятили, Кеннеди!!! По вашей милости я сижу по уши в дерьме, моего шурина будут судить за убийство первой степени, моя жена была любовницей другого подсудимого, – а вы требуете такие деньги??? Вы не получите ни цента! НИ ЦЕНТА!!!

Кеннеди явно хотел что-то сказать, но не успел. В разговор неожиданно вступил лейтенант Лестрид. Трах!!! – его кулак с грохотом опустился на стол. Пальцы другой руки стиснули плечо Рокстона. Судя по тому, как скривилось лицо Кристофера, сила у маленького лейтенанта была недюжинная.

– Слушай меня, спесивый индюк! – прошипел Лестрид. – Ты не сидишь по уши в дерьме! Ты изнутри набит дерьмом – действительно, по самые уши! Самым дерьмовым дерьмом!

Если бы Кристофера укусил за седалище собственный унитаз, он наверняка удивился бы меньше. Несомненно, с отпрыском клана Рокстонов никто и никогда не общался подобным образом. Голтуотер отвернулся в сторону – и я увидела, как он широко улыбается.

– Я не знаю, что за говенная ты шишка в своем Мэне! – продолжал лейтенант. – В Нью-Хемпшире ты никто и звать тебя никак! НИКТО!!! В Нью-Хемпшире ты хрен с горы Провидения! Тамошние газетчики кормятся с моей ладони – и их очень интересует, кто же прикончил Кусачую Мэг столь изуверским способом! И они узнают – если ты, дерьмояд, не расплатишься сей же момент с мистером Кеннеди, за уши вытянувшим тебя из газовой камеры! Попроси завтра с утра принести тебе «Конкордию-Ньюс» – и полюбуйся своей дебильной рожей во весь разворот!!!

Лейтенант сделал короткую паузу и прибавил удивительно спокойно:

– Значит так. Я считаю до трех – а потом иду давать телефонное интервью. Раз...

Чек Рокстону пришлось заполнять трижды – руки дрожали.

Кеннеди внимательно оглядел подпись и аккуратно убрал чек в бумажник.

– Я человек небогатый, – сказал он и поглубже засунул бумажник во внутренний карман пиджака.

20.

Ни единого слова о скандальном бракоразводном процессе Люси и Кристофера Рокстонов в газеты Мэна не попало. Я уже писала о том, что в жизни аристократов, помимо массы неудобств, имеются и кое-какие преимущества...

И еще:

Когда в нашу дверь звонят – сканер отпечатков вмонтирован теперь и в кнопку звонка тоже – я все реже смотрю на монитор наружного обзора... Запускаю «Икс-Скаут» и надеюсь, что на экране появятся слова: «Люси Имярек, 1982 г. р., в девичестве – Харкер, по первому мужу – Рокстон...»

Или просто четыре буквы:

ЛЮСИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ МИСТЕР БОЛЬШАЯ НОГА

1.

Ну и клиент! Сроду я таких клиентов не видела, и не знала даже, что такие клиенты попадают. По крайней мере, в офисах детективных агентств.

Был он, если верить визитной карточке, президентом «Северо-Западной Дорожной Компании» (сокращенно – «СЗДК») мистером Дрегри Скруджерсом. Каково на слух?! Словно булыжник угодил в шестерни лебедки. Родители с такой фамилией уж могли бы назвать ребенка как-нибудь помягче. Сильвио, например.

Но на фоне прочих качеств явившегося в «Бейкер-стрит, 221» посетителя его имя оказалось безобидным чудачеством четы Скруджерсов. Для начала мистер Ди-Эс (буду в дальнейшем именовать его так, с детства ненавижу громкие немелодичные звуки) – так вот, для начала мистер Ди-Эс хлопнулся в кресло, без приглашения и не раздеваясь. Затем с места в карьер начал ошарашивать нас с Кеннеди своей деловитостью:

– Я человек занятой. Времени у меня мало. И оно дорого стоит. Есть к вам дело. Не здесь. В Северной Калифорнии. Вот билеты на самолет. Вылет через четыре часа. Без меня. Я – в Вашингтон. Есть там дела. Полетите с моим секретарем. Он все объяснит. Договор оформите по дороге. Торговаться не стану. В разумных пределах, конечно.

И – хотите верьте, хотите нет – но он встал, считая разговор законченным!

Ну и тип! Куда там древним спартамцам с их лаконичностью! На фоне Ди-Эс они все поголовно страдали логореей. А наш Дрег, похоже, еще с юности решил не растрачивать попусту словарный запас великого, могучего, правдивого и свободного американского языка. И долго тренировался, добиваясь того, чтобы произносимые фразы оказывались не длиннее четырех слов. Добился. Приятно слушать.

Впрочем, вполне может быть, что письменная его речь была более красноречива. Когда он выписывал чеки, например... Но Ди-Эс пришел к нам в очень неудачный момент.

Дело в том, что у Кеннеди наступил период апатии и неодолимого отвращения к профессиональной деятельности. Такие периоды у него иногда случались и раньше, но редко продолжались дольше трех-четырех дней. Нынешний тянулся больше двух месяцев. В оправдание своей бездеятельности Кеннеди ссылался на множество причин: на магнитные бури, якобы кардинально нарушающие ему биоритмы; на мучающие по ночам ужасные сны о похищении инопланетянами его близких и дальних родственников; на глубокое недоверие к недальновидной ближневосточной политике администрации Буша-младшего... А также на несварение желудка.

Реальная причина была одна: сто восемь тысяч долларов, полученных нами за два дня работы в Западном Мэне по «Делу кислотных братьев». Эти деньги лежали на счету «Бейкер-стрита», а Кеннеди полулежал на своем рабочем кресле и целыми днями играл в дартс. Причем в качестве мишени для дротиков он использовал карикатурные портреты Каунтера, которые сам же и рисовал. Он неплохо набил руку и в метании, и в шаржировании, поговаривал даже о том, что мог бы выступить на чемпионате штата по дартсу...

От появлявшихся у нас клиентов Кеннеди старался под любыми предлогами избавиться, а несколько все же полученных авансов мне пришлось отрабатывать единолично. И как раз сегодня я намеревалась покончить с этим положением дел.

... На лице Кеннеди не читалось ни малейшего желания отправляться в Калифорнию. Хотя некая работа мысли прослеживалась – встав, Ди-Эс загородил портрет Каунтера. И мой коллега явно решал сложную баллистическую задачу – как поразить второй упомянутый объект, не задев первого.

Решение, очевидно, нашлось. Дротик свистнул – и вонзился в ухо. По счастью, в ухо нарисованного Каунтера – хотя и от виска потенциального клиента прошел в считанных миллиметрах.

Обрадованный Кеннеди замахнулся вторым дротиком, – как мне показалось, слишком небрежно, почти не целясь. И тут...

Тут посетитель доказал: кроме скрежещущих имени и фамилии он обладает крепкими нервами и блестящей реакцией. Не дрогнув лицом, он двумя пальцами поймал в воздухе дротик – в паре дюймов от своего лица.

– Мистер-р-р Кен-н-н-неди! – проскрипел Дрегри Скруджерс. Он стоял – высокий, угловатый, с костистым и обветренным лицом – и сжимал дротик так, словно раздумывал: а не вернуть ли моему коллеге подачу?

Кеннеди смутился. Немедленно принял позу, более приличествующую главе детективного агентства, и закинул оставшиеся дротики в ящик стола.

– Извините, мистер... – он скосил глаза на лежавшую на столе визитную карточку, – ... Скруджерс. Извините. Сорвалось с руки. Вы попали в очень неудачный момент. Наше агентство с завтрашнего дня уходит в коллективный отпуск – и настроение уже не рабочее. Так что ничем не можем вам помочь. Обращайтесь к нам через четыре недели, никак не раньше. Доктор Блэкмор, проводите, пожалуйста, мистера Скруджерса.

Я не двинулась с места, наблюдая, как принтер выдает распечатку. Потом положила ее на стол перед Кеннеди. И удовлетворенно увидела, как поползли вверх его брови.

– Но отпуск можно и отложить, раз дело такое срочное, – вывернул Кеннеди руль на сто восемьдесят градусов. – Рассказывайте, что там у вас стряслось.

Секрет столь радикальной смены настроения был прост. Распечатка отображала наш текущий баланс. В левом столбце – необходимые платежи наступавшего месяца. В правом – остаток на банковском счете. Честно говоря, я и сама удивилась, как быстро рассосались деньги...

Клиент несколько секунд молча смотрел на Кеннеди. Очевидно, размышлял, успеет ли за оставшееся до отлета время подыскать более вменяемое детективное агентство. И решил, что не успеет.

2.

– Что тут рассказывать? – неприятно удивился Ди-Эс. – Наслушался я про вас. Про дедукции ваши. Думал – сами все выложите. Кто я, откуда, зачем...

Мы бы рады были все выложить, нам скрывать нечего. Но продуманная система дала осечку. Хотя конец осени в Род-Айленде стоял достаточно теплый, но клиент заявился на наше крыльцо в перчатках. Так, кстати, до сих пор их и не снял. Даже дротик поймал затянутыми в лайку пальцами. Негласное дактилоскопирование не состоялась. Наш бесценный помощник – «Икс-скаут» – оказался не у дел.

Несколько минут назад я попыталась запустить поиск по имени и фамилии – свято уверенная, что в США может проживать лишь один-единственный Дрегри Скруджерс. Как бы не так! Их оказалось ровно тринадцать человек – и вычислять из них нужного времени уже не было...

Скруджерс подозрительно смотрел на нас, ожидая чудес дедукции, – обратно в кресло он так и не сел. Ситуация грозила потерей и клиента, и гонорара.

Неприятную развязку оттянула миссис Хагерсон, войдя в кабинет с подносом в руках. На подносе стояли чашки, кофейник и сахарница.

– Кофе для джентельменов. Кофе для мисс Блэкмор, – произнесла она своим бесподобным контральто.

Голос у миссис Хагерсон действительно был чудесный. Большую часть жизни она провела на студии «Уолт Дисней Бразерс», озвучивая всевозможных сказочных мультперсонажей. Однажды даже была номинирована на «Золотой глобус» за роль доброй черепахи в полнометражном мультфильме – но получить заслуженную награду помешали интриги завистников.

И вот теперь одним из своих голосов (добрая фея из «Золушки») миссис Хагерсон поинтересовалась у Ди-Эс:

– Вам, мистер, конечно же, покрепче и с двойным сахаром?

– Как вы догадались? – удивился он.

– Элементарно, мистер! Все лесорубы пьют крепкий кофе с двойным сахаром. Даже бывшие.

– Но черт возьми... Да как же вы узнали, что я бывший лесоруб??!

От изумления Ди-Эс даже забыл о своей юношеской клятве – не произносить фразы длиннее четырех слов.

Глаза Кеннеди лукаво блеснули.

– Миссис Хагерсон сотрудничает с нашим агентством не первый день, – сказал он. – И поневоле усвоила некоторые начатки моего дедуктивного метода. Миссис Хагерсон, будьте любезны, объясните нашему гостю, как вы узнали о его бывшей профессии.

– Ничего сложного, все элементарно, – ответила наша бесподобная миссис голосом Русалочки. – Вы очень характерно стояли посередине кабинета, мистер. Точь-в-точь как лесоруб, рубящий или пилящий дерево – и готовый в любой момент отскочить. И эти перчатки... Думаю, не ошибусь, если скажу, что на вашей левой руке не хватает одного или двух пальцев – весьма характерная травма для лесорубов.

Ди-Эс вновь приземлился в кресло и одним глотком ополовинил свой крепкий кофе с двойным сахаром.

– Бесподобно... – протянул он, явно имея в виду не кофе. И добавил с детским любопытством: – Еще что-нибудь сможете?

– Извините мистер, но я спешу по делам... Да и с мистером Кеннеди мне, конечно, не потягаться... Могу лишь сказать, что вы не женаты, любите собак и не любите кошек, занима-

етесь строительными подрядами, голосуете за республиканцев и раньше болели за «Ред Сокс», но сейчас весьма в них разочаровались...

И, победительно улыбаясь, миссис Хагерсон нас покинула.

– Все взаправду... – пробормотал потрясенный клиент. – Думал – враки... Думал – голову дурите...

Он решительным жестом вынул два билета на самолет, чековую книжку и сказал:

– Времени действительно нет. Какой аванс вас устроит?

... Пока он выписывал чек, я напряженно размышляла: как бы аккуратно поделиться этими деньгами с миссис Хагерсон – она у нас на редкость гордая и щепетильная.

Когда клиент направился к двери, Кеннеди не выдержал:

– Черт побери! Вы можете хотя бы намекнуть – что нас там ждет, на севере Калифорнии? Скруджерс обернулся.

– Все просто. Надо поймать бигфута. Или застрелить. Тварь портит мне бизнес.

И ушел. Ну и клиент! Сроду я таких клиентов не видела, и не знала даже, что такие клиенты попадают...

3.

Едва за Ди-Эс закрылась дверь, Кеннеди отчеканил:

– Где. Наши. Деньги.

Вместо долгих объяснений я вручила ему другую распечатку – длинный рулон с расходами двух последних месяцев.

Минут двадцать Кеннеди изучал свиток, никак не комментируя (я за это время успела скачать кое-какую информацию в наш компьютер). Потом вернул мне, печально спросив:

– Пожертвовать десять тысяч в Фонд помощи семьям погибших при исполнении – твоя идея?

– Твоя, Кеннеди, твоя... Я считала, что достаточно и пяти.

– А зачем нам эти три ящика коллекционных вин?

– Не знаю, Кеннеди. Общение с аристократами Западного Мэна дурно на тебя повлияло.

– Да-а-а... Графов Монте-Кристо из нас не получилось. Придется переквалифицироваться в охотников на бигфута... Подготовь, пожалуйста по нему коротенькую сводку.

– Уже готова.

И я зачитала с экрана:

– Бигфут, он же сасквоч, он же реликтовый гоминид. Существо, предположительно обитающие в слабонаселенных лесных и горных районах Североамериканского континента. Физиология и анатомия неизвестны. Классификация предположительна: либо один из представителей рода Номо (неандерталец?), либо побочная ветвь эволюции приматов (гориллоид? гигантопитек?). Известны европейские и азиатские аналоги. В Австралии и Океании, Южной Америке, Африке, Антарктиде достоверных свидетельств о встречах с бигфутом или похожими на него существами нет. В лесных районах Калифорнии и Орегона (реже других штатов) бигфуты неоднократно наблюдались визуально, так же не раз были обнаружены их следы, помет, клочья шерсти. Около 95% процентов подобных находок с достаточной доказательностью объявлены фальсификациями. Впервые киносъемка бигфута с расстояния около 140 футов была проведена зоологом Р. Паттерсоном в 1967 году. Подлинность этого 10-минутного фильма до сих пор является предметом жаркой дискуссии. Не меньше споров вызывают другие фото-, кино- и видеосвидетельства о встречах с бигфутами. С 1989 года до настоящего времени трижды с большой помпой объявляли о поимке живого бигфута. Пойманное в 1989 существо оказалось самцом гориллы, сбежавшим из клетки в процессе транспортировки по Восточно-Тихоокеанской железной дороге. Сведения о поимке в 1998 году самки бигфута с детенышем (журналисты уже успели окрестить их Моникой и Билли) оказались ничем не подтвержденной газетной уткой. Бигфут, пойманный в декабре 2001 года, был опознан как толкиенист-ролевик Всеслаус Г. Ульдер, заблудившийся при проведении «Битвы за Мордор – 2000» и девятнадцать месяцев проживший в лесу на подножной пище...

– Достаточно, – сказал Кеннеди.

Да уж, хватит. Порой у граждан, размещающих информацию в сетях, проявляется какое-то извращенное чувство юмора.

– Достаточно, – повторил Кеннеди. – Все равно придется во всем разбираться на месте. Бизнес нашему дядюшке Скруджу равным образом могли испортить и сбежавшая горилла, и одичавший ролевик. Даже газетчики со своими утками. Ну что же, будем собираться... Может, стоит повесить объявление на дверь: «АГЕНТСТВО ЗАКРЫТО. ВСЕ ЛОВЯТ БИГФУТА», – как ты считаешь?

– Не стоит. Миссис Хагерсон все объяснит клиентам, если таковые появятся. И, я думаю, вполне успешно проведет с ними предварительную работу.

Кеннеди покраснел и отвел взгляд.

... Собираться пришлось достаточно спешно. Но я все равно выкроила время, чтобы подойти к миссис Хагерсон. И жалобно ее попросила:

– Возьмите меня в ученицы! Согласна исполнять самую черную работу, спать в вашей прихожей на сундуке и питаться остатками вашего ланча... Но откройте секрет: КАК ВЫ ЭТО ДЕЛАЕТЕ???

Миссис Хагерсон расцвела в улыбке. И промурлыкала голосом сытой Багиры:

– Ну зачем уж – м-р-р-р-р – остатками ланча, маленькая сестра... Просто теперь мы вместе будем ходить пить кофе к Салли Фергюсон. Наш мистер бывший лесоруб утром именно у нее пытался выведать окольными путями сведения о вас и о мистере Кеннеди...

Вот оно что... Тридцатипятилетняя вдова Салли, наша соседка и большая приятельница миссис Хагерсон, отличалась редким качеством: говорила много, охотно, но при этом посторонним практически не удавалось извлечь полезной информации из ее болтовни. Зато сама из заинтересовавших ее людей – в основном из неженатых мужчин – способна была вытянуть всё, что угодно...

– Я же говорила, милое дитя, – всё элементарно! – сказала миссис Хагерсон голосом феи, ласково поучающей Дороти.

4.

Из-за смены часовых поясов ночь нашего путешествия на запад показалась бесконечной. Мы успели от души выспаться, дважды подкрепиться, пересечь во Фриско на самолет местной авиалинии, а в Бюлите – на личный вертолет дядюшки Скруджа (придуманное Кеннеди прозвище понравилось мне больше, чем «Ди-Эс»). Успели всё, а ночь не кончалась и не кончалась.

Рассвет нас догнал лишь в Чиллатоге – крохотном, из десятка домишек, поселке в предгорьях Берегового хребта Кордильер. Чиллатога была целью нашего путешествия. И здесь я поняла, что долгое ожидание солнца стоило того. Склоны появлялись из темноты медленно, неохотно, – словно у нас на глазах проявлялся снимок «поляроида». Сначала проступили лишь общие контуры, потом на фоне багровеющего востока стали видны силуэты устремленных к небу елей – и как они только умудрялись вырастать на крутых склонах такими высокими и стройными? Потом солнечные лучи наконец-то перевалили через каменную преграду, и все вокруг расцветилось, заиграло живыми красками, даже растущие в поселке лиственные деревья – голые, облетевшие, в предрассветной тьме казавшиеся корявыми и зловещими скелетами...

Не знаю, сколько мы с Кеннеди простояли, любуясь вступавшим в свои права утром. Не меньше часа, наверное, – время застыло, куда-то делось, а взглянуть на тикающий на запястье механизм отчего-то казалось кощунством...

Всё испортил мистер Фрумкин.

– Хватит, хватит, господа, любоваться пейзажами, – сказал он, подходя к нам. – Мы с вами все-таки на работе, а не в скаутском походе. Приступим к делу.

Вид мистера Фрумкина на фоне просыпающихся Кордильер служил прекрасной иллюстрацией к тезису о мелкости, ничтожности и гнусности человека по сравнению с величием Природы. Был он (Фрумкин, а не тезис) тощ, низкоросл и суетлив. Длинный его нос выглядел постоянно что-то вынюхивающим. Тоненькая, поросшая темным пушком шея, казалось, с огромным трудом выдерживала тяжесть непропорционально большой головы, – и та постоянно клонилась то к левому, то к правому плечу. А его уши...

Впрочем, достаточно про Фрумкина. И писать, и читать про красоты Кордильер гораздо интереснее.

Мы с Кеннеди оторвались от созерцания гор и посмотрели левее. Туда, где вклинивающаяся в предгорье безлесая равнина все более сужалась, в итоге образуя исчезающую в лесу просеку – именно ей суждено было со временем превратиться в шоссе, подряд на строительство которого с немалыми трудами выбил себе дядюшка Скрудж. Лес, который означенное шоссе должно было прорезать на протяжении нескольких десятков миль, тоже был хорош, – даже с расстояния почти в милю. Листва некоторых деревьев – отсюда нельзя было различить их породы – еще не облетела, и оживляла темный фон яркими желто-алыми пятнами. И – из леса до нас доносилась тишина. Звучит странно, считается, что доноситься могут лишь звуки, – но именно так оно и было. В этой тишине, наползающей на Чиллатогу с северо-запада, как-то растворялись, гасли шумы поселка: лай пары проснувшихся с рассветом и начавших перебранку собак, мерное постукивание дизель-генератора, дребезжание катящегося куда-то с утра пораньше разбитого грузовичка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.